

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№2 2018

Казань - 2018

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №2 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – 64.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., проф.;

А.М. Саяпова – д.филол.н., проф.; Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., проф.

Ю.А. Цагарелли – д.псих.н., проф.

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р.Р. Хуснулина</i> АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ	5
10.01.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
<i>М.А. Дубова, Н.А. Ларина</i> ДВОЕМИРИЕ КАК ПРИНЦИП МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В НОВЕЛЛИСТИКЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА	11
<i>Н.В. Захарова</i> ИНОСТРАННАЯ ТЕМА В РОМАНЕ ЦЗЭН ПУ «ЦВЕТЫ В МОРЕ ЗЛА»	14
<i>Л.Г. Кихней, Н.А. Ларина</i> МИР ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА: СПЕЦИФИКА МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В РАССКАЗАХ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА О ДЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ВАЛЯ»)	17
<i>Н.А. Ларина</i> «ПУШКИНСКИЙ СЛЕД» В РАССКАЗАХ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА: ОБРАЗ МЕТЕЛИ КАК МИРОМОДЕЛИРУЮЩАЯ КОНСТАНТА	20
<i>А.М. Нигматуллина, А.Ю. Гиниятуллина</i> МОТИВ СВАТОВСТВА В ТРАДИЦИИ ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОСОВ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭПОСА ОГУЗОВ «КНИГА МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»)	23
10.02.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
<i>А.В. Агеева, Ю.В. Смахтина</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОЙ ЭТИМОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	26
<i>А.Х. Аиранова, Г.Ж. Фахрутдинова, И.Т. Хайруллин</i> К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ АУДИРОВАНИЯ)	29
<i>В.В. Батицкая, В.В. Гурин</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО КОНЦЕПТА ПОПЫТКА И АНГЛИЙСКОГО КОНЦЕПТА TRY	32
<i>В.А. Гапутина</i> ГИБРИДНОСТЬ МЕДИАДИСКУРСА МОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ)	35
<i>А.Ю. Гиниятуллина, М.Р. Гараева</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЙ В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ	38
<i>Т.И. Колабинова</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРОСТРАНСТВО» В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА МАРИО БЕНЕДЕТТИ “EL OTRO YO” («ДРУГОЙ Я»)	41
<i>А.А. Мамедов, А.В. Оленикова</i> КОНСТРУКЦИИ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ СРАВНЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ С. ЕСЕНИНА И В. МАЯКОВСКОГО)	44
<i>О.Ш. Назаров</i> ВАРИАНТНОСТЬ МОДЕЛИ ЖАНРОВ ПОСТАНОВЛЕНИЯ И ПРИГОВОРА СУДА: ВВОДНАЯ ЧАСТЬ	48
<i>А.В. Павлов</i> ГРАММАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ОШИБКИ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	51
<i>И.В. Сафьянова</i> КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «МОЛЕКУЛЯРНАЯ ГЕНЕТИКА»)	56
АННОТАЦИИ	60

THE RELEASE MAINTENANCE

R.R. Khusnulina ENGLISH XX-TH CENTURY LITERATURE: TRANSLATION WARS 5

10.01.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LITERARY CRITICISM

M.A. Dubova, N.A. Larina DOUBLE WORLD AS A WORLD MODELLING PRINCIPLE IN THE SHORT STORIES BY VALERIY BRYUSOV 11

N.V. Zakharova FOREIGN THEME IN ZENG PU'S NOVEL "FLOWERS IN THE SEA OF EVIL" 14

L.G. Kikhmey, N.A. Larina THE JUVENAL SEMANTIC AS A WORLD MODELLING TOOL IN THE SMALL PROSE BY LEONID ANDREEV 17

N.A. Larina "PUSHKIN TRACK" IN THE STORIES OF VALERY BRYUSOV: THE IMAGE OF BLIZZARD AS A WORLD-CONDUCTING CONSTANTA 20

A.M. Nigmatullina A.Yu. Giniyatullina THE MOTIVE OF MATCHMAKING IN THE TRADITION OF THE HEROIC EPOSES OF TURKIC SPEAKING PEOPLES (ON THE EXAMPLE OF THE EPOS OF THE OGHUZES "THE BOOK OF MY GRANDFATHER CORKUT") 23

10.02.00 - PHILOLOGICAL SCIENCES –LINGUISTICS

A.V. Ageeva, Yu.V. Smakhtina FUNCTIONAL AND SEMANTIC STATUS OF LEXICAL UNITS OF RUSSIAN ETIMOLOGY IN MODERN FRENCH LANGUAGE 26

A.Kh. Ashrapova, G.Zh. Fakhrutdinova, I.T. Khairullin THE PROBLEM OF PERCEPTION OF THE TEXT WHEN LEARNING A FOREIGN LANGUAGE (FOR EXAMPLE, AUDITING) 29

V.V. Batitskaya, V.V. Gurin COMPARATIVE DESCRIPTION OF RUSSIAN CONCEPT ATTEMPT AND ENGLISH CONCEPT TRY 32

V.A. Gaputina HYBRIDITY OF THE FASHION MEDIA DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF GLOSSY MAGAZINES) 35

A.Ju. Giniyatullina, M.R. Garaeva SYNTACTICAL FUNCTIONS OF PARTICIPLES IN THE ENGLISH AND TATAR LANGUAGES 38

T.I. Kolabinova LINGUISTIC MEANS DESCRIBING THE CATEGORY OF "SPACE" IN SPANISH (BASED ON THE SHORT STORY "EL OTRO YO" BY MARIO BENEDETTI) 41

A.A. Mamedov, A.V. Olenikova INSTRUMENTAL CASE COMPARISONS AS A SOURCE FOR ANALYSIS OF THE POETICAL WORLDVIEW'S FEATURES (ON THE BASIS OF S. YESENIN'S AND V. MAYAKOVSKY'S WORKS) 44

O.SH. Nazarov THE VARIANCE MODEL OF THE GENRES OF THE RESOLUTION AND SENTENCE OF THE COURT: THE INTRODUCTORY PART 48

A.V. Pavlov GRAMMAR-SYNTACTIC STRATEGIES AND ERRORS IN THE ORAL DISCOURSE OF CHILDREN WITH AUTISM (ON THE BASIS OF PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH) 51

I.V. Safyanova COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECTS OF TERM FORMATION IN THE FIELD OF MOLECULAR BIOLOGY 56

ABSTRACTS 60

10.01.00

Р.Р. Хуснулина д-р.филол.наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, razilya-kh@yandex.ru

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

Переводческие войны по произведениям Ф.М. Достоевского или на протяжении восьми десятилетий XX века. Именно переводы Констанс Гарнетт позволили англичанам познакомиться с прозой Ф.М. Достоевского. Хотя первоначальная оценка переводов К. Гарнетт в Англии, как и произведений Достоевского, была во многом схожей. В данной научной работе показано, как встречены они были там неоднозначно. Со временем англичане приняли переводы К. Гарнетт и стали читать их. И, благодаря ее прекрасным переводам, лучшие английские писатели XX века по достоинству оценили значение творений Ф.М. Достоевского и стали подражать ему, развивая его идеи.

Ключевые слова: перевод, проза, подражание, отклик, произведения, судьба, принимать, значение.

Первые отклики о Ф.М. Достоевском (1821-1881) появились во французской прессе в связи с его кончиной. До этого он не был известен англичанам. В «Истории русской литературы» (Лондон, 1882), подготовленной Чарльзом Тернером, некоторое время читавшим лекции в Императорском университете в Санкт-Петербурге, Достоевский упомянут лишь как друг Н.А. Некрасова [5, с. 172].

Когда же в 1884 году во Франции, Германии появились переводы романов Достоевского и по ним были подготовлены вольные английские версии, его, наконец, заметили критики, но восприняли в некоем общем ряду. Они отзывались о нем как о писателе чужеродном, «таинственном русском», «пришельце из потустороннего мира»; персонажей соотносили с известными сведениями его биографии: эпилепсией, ссылкой, азартными играми. Подобный «этнографический» подход к творчеству писателя, как к некоей типовой, всеобъемлющей формуле загадочной «русской души», и стал для литературоведов и критиков самой простой «разгадкой» Достоевского - провидца со странной судьбой. И такое его понимание они стремились приспособить к понятному, тому, что было на слуху, объясняя загадочность «русской души» «крайностями», «бесхребетностью», видя в них «некий рок».

Доминанта загадочной «русской души» долгое время, вплоть до 1920-х годов, определяла интерпретацию личности писателя, его творчества. Отчего и оказалось возможным «не замечать» Достоевского и отодвинуть на периферию, говоря о его экспериментах, как о причуде второстепенного прозаика [3].

В числе тех, кто по-новому заговорил о Достоевском, был Арнольд Беннетт (1867-1931). Он писал о Достоевском с 1908 по 1931 годы и, как никто другой, способствовал продвижению его книг. Беннетт использовал для этого свою колонку в «New Age»: «Я не устану повторять, что лучшие образцы романа созданы Достоевским». Там же, взывая к крупнейшему английскому издательству «Хейнманн», он назвал «скандалом» отсутствие «хорошей полной версии произведений Достоевского» [4, с. 350]. В немалой степени он тем самым предопределил судьбу романов Достоевского в Англии.

В итоге, в 1912-20-х годах Достоевского издали - появился перевод полного собрания сочинений писателя, выполненный Констанс Гарнетт (1861-1946). Предваряя его выход, Эдвард Гарнетт, талантливый издатель и муж Констанс, обратился к читателям «Экспеди» с коротким эссе о Достоевском. «Современное поколение, - писал он, - не знает произведений Достоевского. Тем хуже для этого поколения» [7, с. 202-203].

Причину его долгого игнорирования Гарнетт объяснил «страхом перед мрачной тематикой». В отличие от писателей и критиков 1880-1910 годов, мотивировавших интерес к Достоевскому загадочными проявлениями «русской души», он высоко оценил его как психолога. Такой подход к нему совпал с характером литературных поисков модернистов и стал одной из причин их обращения к Достоевскому. В 1898 Конрад в письме к Эдварду Гарнетту, с которым его объединяла дружба, впервые публично высказал свое мнение о Достоевском, в романах которого он открыл для себя «новый мир». Эту фразу писатель заимствовал у В.Вулф, которая именно так характеризовала творчество Достоевского.

Выход собрания сочинений Достоевского в Англии стал культурным событием с сопутствующими ему философскими диспутами, публичными высказываниями. Словно выражая благодарные чувства многих писателей, К. Мэнсфилд (1888-1923) писала К. Гарнетт в 1921 году: «Мы так вам обязаны, что сами еще не в состоянии это осознать. Эти книги... переменяли наши жизни» [1, с. 261].

Теперь Достоевского стали читать, и у него искали ответы на «проклятые» вопросы. Новый мир, пришедший с Достоевским, помогал английской интеллигенции понять себя, и даже более того, «менял ее характер» [14, с. 7].

Стоит отметить, что Констанс Гарнетт перевела 71 том произведений русских писателей. В 1893 году, после того, как она побывала в Москве, Санкт-Петербурге, Ясной Поляне, где она встречалась со Львом Толстым. Именно там она вдохновилась идеей перевода произведений русских авторов: Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, но позже перевела еще и произведения Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, А.Н. Островского и А.П. Чехова. Частичную помощь ей оказал русский анархист Серей Степняк.

Переводы Гарнетт обрели самостоятельный статус викторианской классики. Вопрос же об их эстетической и философской адекватности оригиналам продолжал беспокоить отдельных переводчиков. Дэвид Ремник, «главный русист Нью Йоркера», в очередной статье в редактируемом им журнале кратко изложил историю переводов Пушкина, Гоголя, Тургенева, а в особенности Достоевского и Толстого, на английский язык и рассказал о драматических событиях в этой области. «Без переводчиков мы остаемся на наших различных лингвистических льдинах, лишь слабо слушая слухи о шедеврах в других местах на море. Поэтому, - на его взгляд, - большинство англоязычных читателей прочитывают русскую через Констанцию Гарнетт» [10, с. 61].

В Англии её блестящие переводы высоко оценили Дж. Конрад, Д.Г. Лоуренс, позже Хемингуэй, который признавался, что полюбил русских классиков «с тех пор как стал читать их в переводе К. Гарнетт». Хемингуэй высказывается от себя, но, в действительности, он присоединился к мнению общепринятому, во всяком случае, распространенному. Его признания — итоги длительного процесса. «Я выбрал „Войну и мир“ в переводе Констанс Гарнетт и книгу Достоевского „Игрок“ и другие рассказы», - писал Хемингуэй. - ...У Достоевского было то, чему можно было поверить, и то, чему невозможно было, но кое-что настолько правдивое, что меняло тебя, пока ты читал; о хрупкости и безумии, пороке и святости, о сумасшествии азартной игры ты узнавал так же, как о дорогах и пейзажах у Тургенева, о передвижениях войск, топографии, об офицерах и солдатах и о боях у Толстого... Чудесный мир, который дарили тебе русские писатели. Сначала русские, а потом все остальные. Но долгое время только русские» [2, с. 76].

Совершенно естественно, что отдельные фразы перевода представлялись тем или иным переводчикам не совсем подходящими по смыслу. Так, в «Братьях Карамазовых» слова Достоевского о том, что Христос, искушаемый в пустыне Сатаной, «с негодованием отверг» его искушения, К. Гарнетт перевела при помощи слова «scorn», придав дополнительное значение - «отверг с презрением». В соответствии с таким вариантом перевода, высокое негодование Христа снижается до вполне человеческих эмоций. В целом, можно сделать вывод, что активная политическая позиция К. Гарнетт, ее приверженность доктринам социализма, вера в силу гуманизма и скептическое отношение к религии определили ее общий подход к переводу романа «Братья Карамазовы». В результате чего, перевод К.

Гарнетт высветил, в первую очередь, социально-политическую составляющую великого произведения Достоевского. Определяющий образ Ивана религиозный бунт в переводе К. Гарнетт приобретают социально-политическую направленность, религиозные вопросы переводятся в юридический план. Показательно в данном отношении изменяется знаменитая фраза Ивана «все позволено», которой в версии К. Гарнетт соответствует фраза «everything is lawful», означающая «все законно». На основании свидетельств современников, писем, фрагментов дневников, представленных в книге Ричарда Гарнетта, предпринята попытка воссоздать круг общения К. Гарнетт, ее интересы и убеждения. По мнению Ричарда Гарнетта, взгляды К. Гарнетт во время работы над переводом романа «Братья Карамазовы» во многом определялись доктринами социализма. На протяжении всей жизни она верила только в силу гуманизма и человеческого разума и поэтому не находила особого смысла в религии. В связи с этим, К. Гарнетт по-своему понимала творчество Достоевского, и ей как переводчице, не были близки его «иррациональность, религиозность и почти тельное отношение к царю» [8, с. 258].

Вдохновленные переводами Гарнетт, стали появляться новые переводчики Достоевского в Англии, к примеру, американский поэт Ричард Пивеар, подрабатывавший на жизнь столярным ремеслом, и его жена, в прошлом жительница Ленинграда, Лариса Волхонская. Они были уверены, что в «Братьях Карамазовых» им удалось передать «полифонизм» (термин М.М. Бахтина) романа Ф.М. Достоевского. «Да, - схоластично признавалась Лариса о своем переводе «Братьев Карамазовых», - мои переводы часто кажутся по-русски чувствительными, но присутствует и радостное приятие Христианства. Есть смерти, самоубийства, смерть ребенка, Иван становится сумасшедшим, Митя попадает в тюрьму, - но ведь книга завершается оптимистично» [10, с. 53]. Ее муж Ричард Пивеар отметил «неловкую» манеру написания романов «Преступление и наказание» и «Игрок», которые он писал к определенному сроку, но едва поспевал. Достоевский, по его мнению, использовал в «Преступлении и наказании» сниженную лексику, говоря «stushevat'sya», имея в виду «почувствовать себя неловко». Пивеару казалось, именно он уловил такие тонкости письма Достоевского, но такие частности, в действительности, были общим местом, не требующим детализации. Пивеар поучал Уилсона, автора «Странного случая с Пушкиным и Набоковым», который делал ему замечания об интерпретации русского произношения и грамматики, что русское «prislushivat'sya k zvuku» отнюдь не означает «внимательно слушать звук», как в английском, из чего он делает вывод, что особая «русскость» стиля Достоевского надумана Уилсоном. Дэвид Ремник в статье «Переводческие войны» подробно описывает механизм работы этих двух переводчиков. Сначала Л. Волохонская делает максимально точный подстрочный перевод текста, сопровождая его примечаниями по поводу всех случаев, когда в оригинале намеренно слово или выражение употреблено не совсем обычно или когда предложение организовано синтаксически не совсем правильно. Затем Р. Пивеар переписывает подстрочник так, чтобы он стал «более плавным, в большей степени похожим на английский текст», стараясь при этом, тем не менее, сохранить все стилистические особенности оригинала [10, с.101].

На протяжении всего XX в. как в Англии, так и в Америке перевод воспринимался как некая копия оригинала, не представляющая собой никакой особой научной или культурной ценности. Прежде всего, это связано с определенным отношением к переводу как к явлению [13, с. 26]. В эту эпоху перевод – это всегда производное от оригинала, не обладающее ни самовыражением, ни уникальностью. При этом люди, занимающиеся непосредственно переводом, практически не интересовались теоретической стороной данной деятельности. Огромное количество непереуведенной литературы, которая ранее не вызывала ни научного, ни читательского интереса, заставляло переводчиков начала XX века работать в сжатые сроки, ориентируясь во многом на собственные представления о принципах и правилах перевода.

При этом именно им, а не Констансу Гарнетт, он отдает свое предпочтение: «Для меня, как и для большинства преподавателей русской литературы в Америке, переводы Пивеара и

Волохонской, - были манной небесной. До того мне приходилось просить студентов поверить мне на слово, что они читают как бы пол-Достоевского. Что Достоевский – это не просто мелодрама и философские диалоги, но мелодрама и философские диалоги, сплошь и рядом окрашенные иронией, что эта трагедия, которая то и дело срывается в фарс. Теперь мне это объяснять на пальцах не приходится. В переводах Пивеара и Волохонской, вся многоплановость стиля Достоевского сохранена. Так же, как и нарочитая «жорявость» Толстого. Как будто бы мутное окно в русскую литературу вымыли начисто, и теперь сквозь него всё стало видно. Ну, почти всё» [10, с.64]. Два года спустя, редактируя ноябрьский выпуск «Нью Йоркера», он признался, что оценил, а, вернее, переоценил, этих переводчиков по интерпретации ими романов Льва Толстого: «Русский язык - настоящий герой шедевра Толстого; это его голос правды». Англоговорящий мир обязан этим двум великолепным переводчикам Ричарду Пивеару и Ларисе Волхонской за то, что он раскрыл больше скрытых богатств, чем все те, кто пытался перевести Толстого.

В 60-е – 70-е годы на Западе зазвучали авторитетные голоса двуязычных русских писателей-эмигрантов. Набоков для своих лекций по русской литературе вынужден был сам переводить отрывки для цитирования. «Констанс Гарнетт никуда не годится», – говорил он, и, обычно сдержанный, использовал неудобопроизносимое слово для характеристики ее переводов [9, с.315].

Несколько позже высказался Иосиф Бродский. Он считал, что она работала с такой скоростью, что, столкнувшись со сложно переводимой фразой, она, дабы ускорить процесс, передавала ее описательно. Именно поэтому, на его взгляд, роман «Идиот» в ее переводе чересчур «длиннен». Он также незаслуженно упрекал К. Гарнетт за ярко выраженное личностное начало переводчицы: «Англичане вряд ли различат Толстого и Достоевского, поскольку не читали их прозу прежде. Сейчас же они читают Констанс Гарнетт» [10, с. 54].

Корней Чуковский восхищался переводами Тургенева и Чехова, но не Достоевского. Его «нервную дрожь», на его взгляд, Констанс Гарнетт заменила «в характерной английской манере успокоительным средством». Достоевский, как ему показалось, - обрел странную схожесть с Тургеневым» [14, с. 38]. Скорее всего, это было предвзятое мнение русских, которые, глубоко не вдаваясь в тонкости перевода, приписывали трудам Гарнетт свой довольно общий «русский» взгляд.

Издатель «Random House» подвел итог полемике: «Зачем нам кто-то еще, если есть Гарнетт. Ее переводы – вечные» [10, с. 57]. Своим веским замечанием он урезонил подражателей и критиков Гарнетт. И был прав, именно её переводы произведений русских авторов до сих пор переиздаются в Англии. Позже мнение главы «Random House» о переводах Констанс Гарнетт поддержало издательство «Oxford University Press», отказавшись принимать рукописи иных переводчиков Достоевского.

С появлением переводов Гарнетт прозу М.М. Достоевского оценили не только английские, но и американские писатели XX века, порой, казалось бы, весьма далекие от Достоевского. «Без Гарнетт, «русины» девятнадцатого века, как называл его американский поэт Эзра Паунд, Достоевский не оказал бы столь быстрого влияния на американскую литературу начала двадцатого». Паунд любил создавать литературные репутации, при этом, когда Хэмингуэй спросил его мнение о Достоевском, он признался, «что не читал ни одного из русских» [12, с. 52].

Паунду была свойственна небрежность в высказываниях, не случайно, А..М. Зверев назвал его «деревенским умником» [ИЛ, 1991, №2]. Эта небрежность сказалась и в переводе им китайской поэзии. Свой вольный перевод он озаглавил «Катай» (1915) и тем самым дал направление верлибру - свободному стилю перевода. Оценивая перевод Гарнетт, сам он, считая себя переводчиком, не был равным ей профессионалом. Паунд жил внутри сотворенного им мира фикций, и внешний мир деформировался в его сознании до совершенно неузнаваемых форм. Многие его суждения были исключительно пристрастны, как симпатия к фашистскому режиму или восхищение «гением» Муссолини. Он сам приблизился к героям-своевольникам Достоевского.

Словно давая ответ философии жизни Паунда, Дэвид Ремник заметил: «Без святой русской литературы», человечество бы озверело» [10, с.64]. Поэтому, на его взгляд, такое огромное значение для западных читателей имеют вопросы перевода русской литературы. У иноязычного читателя всегда остается подозрение, что, возможно, переводчик не исчерпал глубины прозрений Толстого, затушевал нюансы мировидения Достоевского. Его прочтение в англоязычных переводах демонстрирует разность переводческих стратегий, а также позволяет выявить общую тенденцию переводческого освоения романа Достоевского, которой является адаптация текста оригинала к языку и культуре реципиента. Это, как правило, ведет к частичной утрате одних смысловых пластов романов и, как следствие, к актуализации других. В целом, специфика бытования творений русского классика в англоязычной культуре XX века определяется ее особым вниманием к социально-политическим, юридическим, морально-этическим вопросам, поставленным Достоевским. В целом, анализ показывает, что общей тенденцией переводческого освоения «Братьев Карамазовых» в середине XX века является адаптация текста Достоевского к реалиям англоязычной культуры, что осуществляется в рамках распространенной в англо-американском мире «одомашнивающей» стратегии. Очевидно, что создать абсолютно эквивалентный оригиналу перевод объективно невозможно в силу как особенностей языка, так и специфики художественного текста. Работая над переводом романов Достоевского, переводчики середины XX века руководствовались принципами создания «плавного перевода», который приспособливает произведение к культуре воспринимающей стороны и создает для читателя благоприятную ситуацию по возможности комфортного чтения.

Тем не менее, в конце XX века появляются все новые переводы. В 1980-е годы в англоязычной культуре доминирующей становится идея автономности перевода, впервые «подчеркивается его самоценность и обсуждаются вопросы самостоятельной специфики переводоведческого материала» [13, с. 216]. Перевод рассматривается теперь как своеобразный процесс передачи смысла, который возникает как «реакция на различные лингвистические и культурные контексты». В 1990-е гг. перевод изучается не просто как явление межъязыковой коммуникации, но и в тесном контакте с такими современными гуманитарными науками, как социология, психология, культурология.

В предисловии к своему переводу романа «Братья Карамазовы» английский переводчик Игнат Авсей специально указывает на цели создания очередного перевода романа. Он подчеркивает, что не стремился достичь максимального смыслового соответствия оригиналу. По мнению И. Авсея, нельзя достичь абсолютного формально-семантического соответствия перевода подлиннику, так как «невозможно осуществить исчерпывающий, полный перевод с одного языка на другой» [6, с. 40]. Если перевод является точным, то он не может быть изящным, и, наоборот, если перевод приятно читать, то вряд ли он соответствует оригиналу. Все, что может сделать переводчик, полагает И. Авсей, – это ограничить поставленные перед ним задачи, определяя основную цель выполняемого перевода. Такой целью создания очередного перевода романа «Братья Карамазовы» И. Авсей называет свое стремление передать специфически организованное слово Достоевского, его оригинальный авторский стиль, который, по мнению переводчика, в предыдущих переводах нивелировался.

Свою книгу о непростой работе Констанс Гарнетт над переводами произведений Достоевского Ричард Гарнетт назвал «Героической жизнью» («A Heroic life»). Таковой она и была. До сих пор данный перевод не утратил полученного им в начале века статуса образцового перевода. Поэтому в течение столетия к нему неоднократно обращались другие переводчики, в результате чего возникли три новые редакции перевода К. Гарнетт. В 1933 году перевод редактирует Авраам Ярмолинский. В 1949 году свою версию перевода К. Гарнетт публикует княжна Александра Кропоткина. Последней редакцией первого перевода является версия Ральфа Метло, опубликованная в 1976 году. Они определяются основными переводческими стратегиями англоязычной культуры XX века, с изменением переводческих задач и развитием западного и российского достоевковедения.

Список литературы

1. *Тугушева М.П.* Джон Голсуорси. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб. 2000. 384 с.
2. *Хемингуэй Э.* Избранное. Минск: Высшая школа. 1988. 464 с.
3. *Хуснулина Р.Р.* Английский роман XX века и наследие Ф.М. Достоевского. Казань: Издательство Казанского университета. 2005. – 260 с.
4. *Bennett A.* Books and Persons in London and Paris // *New Age*. – 1911. - February, 9. P. 349-350.
5. *Brewster D.* East-West Passage: A Study in Literary Relationships. L.: George Allen and Unwin. 1954. P. 165-172.
6. *Dostoevsky F.* The Karamazov Brothers. Translated with an Introduction and Notes by Ignat Avsey. Oxford: Oxford University Press, 1994. – 1012 p.
7. *Garnett E.* A Literary causerie: Dostoevsky // *Academy*. – 1906. - № 71. P. 202-203.
8. *Garnett R.* Constance Garnett. A Heroic Life. L.: Singlair-Stevenson. 1991. 402 p.
9. *Nabokov V.* The art of translation // *Lectures on Russian Literature*. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1982. 332 с.
10. *Remnic D.* The Translation wars // *New Yorker*. – 2005. – November, 7. P. 51-65; 98-126.
11. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. Edited by Mona Baker. – London and New York: Routledge, 1998. – 654 p.
12. *The letters of Ezra Pound to James Joyce with Pound's essays on Joyce* // Ed. F. Read. L., 1967. 314 p.
13. *The Translation Studies Reader*. Edited by Lawrence Venuti. – London & New York: Routledge, 2000. – P. 216.
14. *Woolf V.* Mr. Bennett and Mrs Brown // *Nations and Athenaeum*. – 1923. -December, 1. - 21p.

10.01.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ - ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

10.01.01

¹М.А. Дубова д-р., филол. наук, ²Н.А. Ларина¹заведующий кафедрой русского языка ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»,

Коломна, Московская обл., dubovama@ Rambler.ru

²«Государственный социально-гуманитарный университет»,

Факультет повышения квалификации и профессиональной переподготовки,

Коломна, Московская обл., larina-n-a@mail.ru

**ДВОЕМИРИЕ КАК ПРИНЦИП МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В НОВЕЛЛИСТИКЕ
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА**

Статья посвящена двоемирию как основному принципу конструирования художественного мира новелл Валерия Брюсова. На примере рассказа «Через пятнадцать лет» рассматривается дихотомия души и тела, противопоставление которых в данной новелле оказывается взаимоисключающим.

Ключевые слова: Валерий Брюсов, новеллы, дихотомия, антитеза, миромоделирование.

Рассказы Валерия Брюсова представляют собой своего рода литературные эксперименты, освоение моделей зарубежной прозы на русской почве. Брюсов сам отмечал близость своей прозы стилизации и переосмыслению приемов известных авторов [1, с. 2]. В первом сборнике прозы «Земная ось» для новелл «В подземной тюрьме», «В зеркале», «Теперь, когда я проснулся», «В башне», «Бемоль», «Мраморная головка», «Первая любовь», «Защита», «Республика Южного Креста», «Сестры» ключевой становится формула утраты [3, с. 111]: герои в том или ином варианте теряют ту «ось», которая составляла смысл их существования, и эта потеря делит их жизнь на «до» и «после». Мотивы сна, бреда, сумасшествия подчеркивают эту утрату основы: героиня «В зеркале» и герой «Теперь, когда я проснулся» сходят с ума, герои «Первой любви», «Защиты» и «Сестер» находятся под властью наваждения. Потеря приводит их к границе между мирами, которая истончается, и ее можно перейти в любой момент, как бы «гуляя» между мирами, находясь на грани. О.И. Осипова отмечает как единую формулу всех прозаических опытов Брюсова концепцию двоемирия [3, с. 111].

Сборник «Ночи и дни», в который вошли рассказы «Пустоцвет», «За себя или за другую?», «Ее решение», «Через пятнадцать лет», «Только утро любви хорошо...» и «Ночное путешествие», также в самом своем названии акцентирует идею двоемирия, дихотомии яви и сна. Герои новелл этого сборника пребывают не в состоянии безумия или сна, но в состоянии сомнения, вынуждающего их метаться между рациональным и иррациональным, реальным и ирреальным.

При этом героям, проживающим в далеком прошлом или в гипотетическом будущем, двоемирие не знакомо: в исторических новеллах Брюсова («В подземной тюрьме», «Под старым мостом», «Рея Сильвия») и в его «антиутопиях» («Восстание машин», «Республика Южного Креста» и «Последние мученики») отсутствует этот момент «перехода» - миры линейны, а не дихотомичны. Они значительно отличаются от привычного читателю современного мира, однако их герои не спят, не грезят наяву, - они живут по законам своего мира и следуют его правилам.

Таким образом, новеллистика Валерия Брюсова представляет собой либо «блуждание между мирами» в настоящем времени, либо погружение в иной мир – прошлого или будущего. Двоемирие становится основным миромоделирующим принципом новеллистики Брюсова.

Можно выделить три группы рассказов, в каждом из которых возникает свой способ «открыть проход» между мирами:

(1) Появление мертвеца среди живых: «Сестры», «Защита», «Элули, сын Элули»;

(2) Сомнение героя в его пребывании «по эту сторону» или «по ту сторону»: «В зеркале», «Мраморная головка», «За себя или за другую?», «Теперь, когда я проснулся», «Через пятнадцать лет»;

(3) Создание вымышленного, воображаемого мира, который в определенный момент начинает побеждать мир реальный: «Дитя и безумец», «Бемоль», «Первая любовь».

В рассказе «Через пятнадцать лет», герои которого пребывают в относительно современном Брюсову мире, двоемирие внешне проявляет себя через сомнение и смену статуса героев относительно друг друга. При этом существует и истинное, внутреннее двоемирие, наличие которого усложняет структуру рассказа и делает его символику скрытой.

В рассказе представлено несколько стадий развития отношений Нерягиной и Корецкого:

(1) Анна Николаевна – замужняя женщина, Корецкий – страстный и безутешный поклонник, стрелявшийся из-за нее (этот этап продолжается до момента неудавшегося самоубийства Корецкого); (2) Анна Николаевна – по-прежнему замужняя женщина, которую подозревают в наличии множества любовников, Корецкий – друг дома, ее приятель и наперсник – этот этап продолжается 2 года; (3) Анна Николаевна влюбляется в итальянца и сбегает с ним за границу, разводится с мужем и живет в Италии, состоя в постоянной переписке с Борисом Петровичем – 3 года; (4) Нерягина возвращается в Москву, живет в особняке, ежедневно встречается с Корецким и состоит с ним в дружеских отношениях – этот этап продолжается 10 лет, до известия о смерти итальянца; (5) Корецкий снова проявляет себя как страстный поклонник, признается Анне в любви и добивается ее благосклонности, - когда она, наконец, уступает его мольбам, на следующий день Корецкий обнаруживает свою возлюбленную мертвой.

Название «Через пятнадцать лет» подразумевает, что герой получил согласие своей возлюбленной спустя пятнадцать лет после первых попыток овладеть ею, и за эти пятнадцать лет пережил несколько состояний – влюбленный, наперсник, друг по переписке, «друг дома» и снова влюбленный, однако все три состояния после статуса влюбленного существовали лишь как вымышленные – в действительности он не переставал быть страстным поклонником: «Анна! Пятнадцать лет тому назад вы мне объявили, что не любите меня и не полюбите никогда. Я вам ответил, что буду вас любить всегда. Я свои слова оправдал; может быть, оправдали и вы» [2, с. 109].

Более того, спустя несколько дней после бесплодных попыток Корецкого добиться Анны из ее слов явствует, что и она десять лет любила Корецкого и мечтала о его любви: «Если бы десять лет назад ты спросил у меня то же, что потребовал недавно, я уронила бы себя в твои объятия с последней радостью. Первые годы я ждала этого с тайной надеждой. Я берегла свое тело, я заботилась об нем для тебя. Потом я от своей мечты должна была отказаться. Я решила, что после всего совершившегося тебе не нужна я, как женщина» [2, с. 113]. Автор оставляет под сомнением ответ на вопрос, являются ли правдой слова Анны – Корецкий слишком рад ее словам, чтобы заподозрить в них притворство, «даже если оно было» [2, с. 114], да и о чувствах Анны читатель практически ничего не знает, - весь рассказ посвящен только чувствам Корецкого.

В признании Анны интересно, что она говорит о своей любви «десять лет назад», хотя, как известно читателю из названия и сюжета рассказа, Корецкий состоит в поклонниках Анны вот уже пятнадцать лет. Следовательно, ее любовь зародилась после возвращения в Москву, и Борис Петрович неверно расценил модальность ее обращения к нему, как к другу. Автор с самого начала заостряет внимание на том факте, что ежедневные визиты Корецкого с 7 до 11 длятся вот уже 10 лет, и жители Москвы смеются над его преданностью. Сюжет скачкообразно передвигается от положительной оценки событий к отрицательной и вновь к положительной: сначала Анна высоко ценится в обществе, затем ее считают развратной, потом ее вновь принимают, и уже на Корецкого смотрят с осуждением, а творящаяся за

закрытыми дверями дома Анны драма и вовсе скрыта от глаз внешнего наблюдателя.

Брюсов акцентирует внимание на том факте, что пятнадцать лет состоявший при Анне Корецкий утрачивает к ней интерес после их интимного контакта и думает покинуть Россию – он даже берет билет в Вену, однако перед отъездом приезжает проститься и таким образом узнает, что Анна мертва.

Фактически, весь рассказ представляет собой гиперболизированную до предела типовую ситуацию любовных романов, когда мужчина, упорно добивавшийся женщины, сразу после близости утрачивает к ней всякий интерес. В рассказе никак не прокомментирован факт смерти Нерягиной, и читатель может лишь строить догадки о том, была ли это смерть от естественных причин либо самоубийство. Во фразе, завершающей текст, упомянуто о *теле* Анны, и это дает ключ к истинному двоимирию новеллы «Через пятнадцать лет».

Любовь Анны – в основном, телесная. Она поражает мужчин внешней красотой, ей приписывают множество любовников и молва утверждает, что она возглавляет некое общество «гамадриад» - развратных светских женщин. Примечательно само название этого общества: гамадриада – нимфа, проживающая в дереве и телесно сливающаяся с ним. В теле Анны заперта нимфа-душа, которая полюбила лишь Бориса Петровича Корецкого, и видела в нем того, кто жаждет духовного, а не телесного соединения. Поэтому при обилии любовников Анна выделяет Корецкого и продолжает поддерживать с ним отношения после развода с мужем. Итальянец также обозначается как *любовник*, а не любимый или возлюбленный, и он обращался с телом Анны дурно – бил ее, что привело к их разрыву.

Когда Корецкий возникает в Москве подле Анны, на протяжении десяти лет он не позволяет себе ни одного намека на телесную близость, при этом ежедневно посещая дом Анны и обедая с ней. Анна сама провоцирует перевод отношений из духовной плоскости в телесную, показав Корецкому записку о смерти своего любовника-итальянца. Первоначально верный поклонник предлагает ей брачный союз, который она отвергает, так как их близость много выше, чем близость супругов, и тогда Корецкий переводит свою «осаду» в телесную плоскость, говоря Анне о своей страстной любви и затем начиная бороться с ней, насильно целовать, рвать на ней одежду и добиваться ее тела. Наступившая телесная близость уничтожает духовную: Корецкому не хочется больше общаться с Анной, а Нерягина окончательно превращается в «тело»: умирает.

Дихотомия души и тела, проявившая себя в тексте «Через пятнадцать лет», была частью общей поэтики символизма. Противопоставление телесного и духовного вполне в духе русского символизма и поэтического творчества Брюсова [4, с. 174]. Однако именно в «Через пятнадцать лет» эта дихотомия становится гиперболической и уходит от реализма: отношение Анны Нерягиной к Корецкому и ее внезапная смерть мало мотивированы, если не учитывать, что за сюжетом рассказа стоит четкая уверенность в том, что соединение тел и соединение душ – это взаимоисключающие понятия.

Список литературы

1. Брюсов В.Я. Земная ось. – М.: Скорпион, 1911. – 182 с.
2. Брюсов В.Я. Повести и рассказы. – М.: Советская Россия, 1983. – 368 с.
3. Лавров А.В., Гречишкин С.С. Символисты вблизи. Очерки и публикации. – СПб: Скифия & Таллас, 2004. – 400 с.
4. Максимов Д.Е. Брюсов. Поэзия и позиция. – Л.: Сов. писатель, 1969. – 240 с.
5. Осипова О.И. Жанровые модификации в прозе серебряного века: Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузмин. – М.: ИМПЭ имени А.С. Грибоедова, 2014. – 360 с.
6. Эллис (Кобылинский Л.Л.) Русские символисты. – Томск: Водолей, 1998. – 288 с.

10.01.03

Н.В. Захарова канд.филол.наук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Отдел литератур стран Азии и Африки
Россия, Москва, radaeva2002@gmail.com

ИНОСТРАННАЯ ТЕМА В РОМАНЕ ЦЗЭН ПУ «ЦВЕТЫ В МОРЕ ЗЛА»

В романе китайского литератора Цзэн Пу (1871-1934) «Цветы в море зла» в отличие от прозаических произведений предшествующих эпох изображение жизни иностранных государств постепенно приобретает реальные черты, что объясняется проявлением интереса к иностранной теме в литературных произведениях, появившегося у читателей Поднебесной в конце XIX-начале XX вв.

Ключевые слова: *иностранная тема, проза, литература Китая, переводы беллетристики, дневники дипломатов.*

В начале XX в. особой популярностью у китайских читателей пользовались сочинения с описанием жизни в европейских странах. К числу таких сочинений следует отнести роман Цзэн Пу (1871-1934) «Цветы в море зла» (1905). Появлению этого романа предшествовали события, изменившие отношение китайцев к иностранной теме в художественных произведениях.

В отличие от европейцев, которые уже в XVIII в. имели, хотя и не всегда верное, представление о китайской империи, жители Поднебесной любопытства к странам, находящимся к западу от их владений, не проявляли.

Этим фактом объясняется крайне малое количество художественных произведений, в которых можно найти описания иностранных государств. Даже если название того или иного сочинения соотносится с темой путешествия за пределы Поднебесной, это отнюдь не означает, что автор дает в своей книге географические и этнографические сведения о неведомых китайцам странах. Примером может служить классический роман XVI в. У Чэньэня (1500?- 1582) «Путешествие на Запад» «Си ю цзи». Формально это произведение можно отнести к жанровой разновидности, в европейском литературоведении получившем название «роман большой дороги», восходящей к английской литературной традиции XVIII в. В основе романа лежит рассказ о путешествии буддийского монаха Сюань-цзана, жившего в эпоху Тан (618-907), в Индию за священными книгами. За почти тысячелетие, отделяющее реальное историческое событие от написания романа, в устной традиции появились десятки народных рассказов, окутавших фантастическим флером и Сюань-цзана, и его спутников. Собрав и литературно обработав эти рассказы, У Чэньэнь создал объемный роман с преобладанием фантастических и сатирических элементов, в котором «гипербола, гротеск, фантастические пропорции явлений призваны были завуалировать обличительный смысл романа» [4, 42].

У Чэньэнь облакает свое произведение в фантастическую форму; кроме единственного реального исторического персонажа – Сюань-цзана – все остальные герои – плод фантазии автора, в том числе – бесы, оборотни, демоны, а события часто происходят в сверхъестественном мире. У Чэньэнь пишет и о других странах, но это выдуманные им царство Женщин, государство Сыхали, государство Цзисай, которые слишком похожи на его родной Китай. Описание этих нереальных стран, куда Сюань-цзан и его путники попадают на пути в Индию, нужны У Чэньэню только для того, чтобы показать, что повсюду царит произвол корыстолюбивых чиновников, пользующих своим положением для угнетения народа.

Описанию вымышленных стран посвящен и следующий роман «большой дороги» - сочинение Ли Жучжэня (1763-1830) «Цветы в зеркале» («Цзин хуа юань»), написанный в 1828 г. Роман соединил разные инварианты жанра – фантастического, исторического,

сатирического, романа путешествий [4, 114]. Героини повествования оказываются в разных странах, но уже названия этих государств говорят о том, что все они – плод фантазии автора романа. Это страна Женщин, жизнь которой полностью копирует жизнь феодального Китая, страна Двудликих (название этой страны говорит о двуличии населяющих ее мужчин), царство Благородных, царство Чернозубых, страна Безутробных и еще почти двадцати стран. «Цветы в зеркале» написаны в том же ключе, что и «Путешествия Гулливера», где события, «развертываясь на намеренно нереальном фоне ... пародируют действительные дела и жизнь современной Свифту Англии» [Цит. по 4, с. 115].

В более реальном освещении, нежели в названных выше романах, иностранная тема присутствовала в путевых *бицзи* - эпистолярных и мемуарных записях, сделанных на литературном языке *вэньянь*. Первые «бицзи» появились в эпоху Тан (VII-X вв.), но расцвета достигли в эпоху Сун (X-XII вв.). Это были записи были самого разного характера: небольшие анекдоты из жизни знаменитых людей, а также необычайные истории, рассказы об удивительном, а также «наблюдения географического, этнографического характера, стихотворные наброски, и вполне законченные сюжетные произведения, и дневниковые записи, и многое другое» [2, 5]. Примером *бицзи*, в котором появляется иностранная тема, можно назвать сочинение крупного чиновника, служившего одно время при императорском дворе, Чжу Юя (1075? – после 1119), вошедшее в сборник «Из бесед в Пинчжоу»: «В гуанчжоуском «чужеземном квартале» живут прибывающие из заморских стран. Одежда, обувь, памятные дощечки у этих чиновников такие же, как и у жителей Поднебесной. Если в чужеземном квартале совершается преступление, то приглашают следователя из Гуанчжоу – и преступника высылают из квартала» [2, 77]. Эта запись создана в XI веке, т.е. в то время, когда в порты южной китайской провинции Гуандун заходили арабские и персидские торговые суда. Видимо о торговцах, прибывавших на этих судах и на некоторое время селившихся в главном городе – Гуанчжоу, и пишет Чжу Юй. Важно, что его описание лишено фантастических черт и передает реальные этнографические подробности о жизни иностранцев. Китайские литературоведы относили жанр *бицзи* к изысканной прозе, в отличие от прозы-*сяошо*, которая в XIX в. по-прежнему была далека от реальности и почти не создала романов-путешествий. Вот как академик В.П. Васильев (1818-1900), один из основоположников изучения литературы Китая в России, объясняет отсутствие любви китайских литераторов к описанию странствий: «Путешествия не представляют в глазах китайцев ученого достоинства, особенно если они направлены тому, чтоб высказать только собственные впечатления, мелочные события, встречающиеся с путешественником» [Цит. по 1, с. 21]. Однако в начале XX в. китайские писатели обращаются к описанию путешествий и, соответственно, иностранной теме, используя при этом фактический материал, почерпнутый из переводов зарубежной беллетристики и дневников китайских дипломатов.

Среди записей, оставленных китайскими дипломатами, особой популярностью в Китае пользовались дневники Сюэ Фучэна (1838-1894). Сюэ Фучэн в 1889-1891 гг. в составе китайского посольства побывал в Англии, Франции, Италии. Свои впечатления он описал в нескольких книгах: «Литературные записи из-за морей», «Дневник дипломатической миссии в четыре государства», «Официальные записи о посольстве» [3]. Многие факты из его «Дневника дипломатической миссии в четыре государства» использует Цзэн Пу при написании романа «Цветы в море зла» («Не хай хуа»). Действие романа происходит в Китае, Германии, России – тех странах, о которых пишет Сюэ Фучэн. Следует отметить, что дипломаты – авторы дневников –travelогов конца XIX – начала XX вв. в своих записях знакомили китайцев с историей, культурой, экономикой неизвестных соотечественникам стран, описывали местные обычаи. В их сочинениях отсутствовала черта, присущая жанрам художественной литературы. Цзэн Пу создает художественное произведение и изображает людей, живущих в неведомых китайцам государствах. Германские монархи, русский император, русская революционерка, западные дипломаты становятся героями романа.

Однако, иностранцы в романе не совсем похожи на иностранцев. От китайцев их чаще всего отличает только внешность. Если это русские женщины, то обязательно красавицы:

«белое лицо, золотистые волосы, длинные брови, тонкая талия, синие глаза и ярко-красные губы». Англичане -голубоглазые и рыжебородые, англичанки - с осиными талиями и вьющимися волосами [5, 125]. Они церемонничают, точно старые китайские книжники. Однако эти церемонии проявляются преимущественно тогда, когда европейские персонажи разговаривают с китайцами и приспосабливаются к китайскому этикету. Цзэн Пу пишет и о характере иностранцев: «европейцы - открытые и самолюбивые люди. Они больше всего не выносят, когда кто-нибудь подозревает их во лжи» [5, 260]. Сам Цзэн Пу ни разу не покидал пределов Поднебесной, однако его герои рассуждают о чужих странах со знанием дела.

Таким образом, в начале XX века меняется отношение китайцев к иностранной теме в художественных произведениях, что было вызвано социальными изменениями, происходившими в Китае в начале XX века. Пользуются спросом романы, живописующие жизнь в далеких от границ Поднебесной, странах. Если в созданных в XIV-XIX вв. немногочисленных романах иностранные государства, как и жизнь людей, населяющих их, изображалась либо в фантастических красках, либо копировала китайскую действительности, то, в частности, в романе «Цветы в зеркале» Цзэн Пу иностранцы приобретают черты реальных людей. Можно определить два фактора, повлиявших на появление реальных деталей при изображении жизни в иностранных государствах в китайских художественных произведениях. Это, во-первых, проявление интереса к иностранцам, что объясняется желанием китайцев понять причины поражения китайской империи в ее столкновении с иностранными государствами, вмешивающимися во внутреннюю жизнь Китая, и во-вторых, появившейся возможностью правдиво изображать неведомую до сих пор жизнь благодаря публикациям в Китае переводов зарубежной художественной прозы и дневников китайских дипломатов.

Список литературы

1. *Захарова Н.В.* Дневники дипломатов и эволюция жанра травелога в китайской литературе конца XIX – начала XX в. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2017. № 7-1 (73). С. 21-23.
2. *Нефритовая роса.* Из китайских сборников бицзи X-XIII веков. Санкт-Петербург: изд-во «Азбука», 2000. – 200 с.
3. *Сюэ Фучэн.* Биография (薛福成.简介.) [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/search?word=%E8%96%9B%E7%A6%8F%E6%88%90%E7%AE%80%E4%BB%8B&pn=0&rn=0&enc=utf8&sefr=sebtn> (дата обращения: 12.12.2017).
4. *Фишман О.Л.* Китайский сатирический роман (Эпоха Возрождения). М.: изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1966. – 196 с.
5. *Цзэн Пу.* Цветы в море зла: Роман / Пер. С кит. В. Семанова. – М.: Художественная литература, 1990. – 480 с.

10.01.01

¹Л.Г. Кихней д-р.филол.наук, ²Н.А. Ларина канд.культурологии

¹Институт Международного Права и Экономики имени А.С. Грибоедова,
факультет журналистики, кафедра истории журналистики и литературы,
lgkihney@yandex.ru

²«Государственный социально-гуманитарный университет»,
Факультет повышения квалификации и профессиональной переподготовки,
Коломна, Московская обл., larina-n-a@mail.ru

**МИР ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА: СПЕЦИФИКА МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В
РАССКАЗАХ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА О ДЕТЯХ
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ВАЛЯ»)**

Статья посвящена образу мира ребенка в рассказе Леонида Андреева «Валя». Показано, как именно в концепции автора выглядит мир детей 5-6 лет, каковы их представления о времени и пространстве и мире взрослых.

Ключевые слова: *миромоделирующая семантика, детство, рассказ, миромоделирование, Леонид Андреев.*

Ведущей темой рассказа Леонида Андреева «Валя» (1899), как и некоторых других рассказов писателя («Цветок под ногою», «Полет» и др.) является тема взаимоотношения мальчика с взрослыми, и прежде всего с матерью. Знаменательно, что изначально рассказ назывался: «Мать» с подзаголовком: «Из мира детей». Очевидно, что этот подзаголовок несет в себе не только тематический, но и миромоделирующий указатель. Этот рассказ, как и другие рассказы Л.Н. Андреева о детях (см. подр.: [2]; [4], демонстрирует особый, «детский» взгляд на мир: о точном возрасте мальчика Вали, главного героя рассказа, автор не сообщает, но очевидно, что это малыш еще дошкольного возраста: чтение дается ему с большим трудом, а мама при встрече с ним поражается тому факту, что он уже умеет читать [1].

Изначально Валя оказывается между тремя мирами: с одной стороны – мир его дяди и тети, которых до определенного момента он считал родными отцом и матерью, с другой стороны – мир неизвестной ему первоначально женщины, которая в итоге оказалась его родной матерью, и третий мир – мир книг, в которые Валя погружается между двумя мирами.

Мир приемных родителей, Настасьи Филипповны и Григория Аристарховича, наполнен множеством деталей, говорящих об уюте, тепле, любви к ребенку: в разговоре с родной мамой Валя упоминает, что ему подарили котенка, вечерами в доме лампа светит на синюю скатерть с бахромой, этот мир охарактеризован как тихий дом «с его чудными цветами, таинственным миром сказок, безбрежным и глубоким, как море, и темным окном, в стекла которого ласково царапались ветви деревьев» [1].

Мир матери «по крови», чьего имени в рассказе не упоминается – только со слов Григория Аристарховича читатель знает, что ее фамилия Акимова, - неуютен, неприятен. Сама родная мать представляется мальчику призраком, чудовищем из книжек. Мир матери – это мир смерти, и когда Валя, наконец, оказывается в ее жилище, это впечатление усиливается за счет акцентирования внимания на грязи и тесноте: маленькая комнатка, маленькая, не по размеру, кровать, неинтересные неподвижные игрушки.

Для Вали связующим между мирами оказывается мир книг: в начале рассказа перед появлением матери он читает о Бове-королевиче, и эта легенда является ключом к дальнейшему развитию событий – королевич Бова сбежал от злого отчима и мачехи, и чтение мальчиком именно этой книги – знак того, что и сам Валя живет у приемных родителей, которые к концу рассказа лишатся его. Хотя в глазах Вали и Настасьи Филипповны, и Григорий Аристархович представлены как исключительно положительные

люди, и он неоднократно говорит о том, что именно они – его настоящие мать и отец, тем не менее, в словах родной матери упоминается, что они ее мучили, а для понимания ее образа в рассказе возникает еще одна книжная аллюзия – сказка о бедной русалочке.

С момента, когда в приемной семье воцаряется мир, и Григорий Аристархович и Настасья Филипповна верят, что «этой женщине» никогда не удастся забрать мальчика, которого они считают своим сыном, мальчику она начинает казаться «бедной», тем более что и все, говоря о ней, прибавляют эпитет «бедная». Помимо «бедной женщины» в его представлении в это время возникает и «бедная русалочка» из сказки о русалочке. То, что мама Вали пережила те же самые события, что и бедная русалочка, косвенно подтверждается следующим фактом: когда приемная мама представляет настоящую маму Вале, выясняется, что приемные родители приходятся Вале дядей и тетей – следовательно, настоящая мама является сестрой кого-либо, вероятнее всего, - Настасьи Филипповны, так как именно Настасья Филипповна привела ее к Вале. Как бедная русалочка, забывшая ради своей любви своих сестер, мать Вали, очевидно, ради любви забыла и о собственном сыне: в разговоре Григорий Аристархович упоминает «неизвестно еще, на какие средства она живет с тех пор, как ее бросил этот... ну, да, черт его возьми» [1]. Именно через бедную русалочку Валя начинает любить и собственную мать: нежность к погибшей из-за любви русалочке постепенно переносится и на маму.

Еще один образ из книжного мира помогает Вале переместиться из одного пространства в другое: когда мама увозит его в свою тесную комнатку, по дороге он наблюдает за домами, сливающимися, как буквы в книге. С этого образа – сливающихся букв – начинается рассказ о чтении Вале легенды о Бове, затем упоминается, что буквы в книгах стали меньше и перестали так сливаться в одну строку – Валя вырос, и чтение дается ему все легче, а впоследствии это же слияние знаменует его окончательный переход из мира приемных родителей в мир родной матери [1].

Отсылка к миру книг – это не только те книги, которые читает Валя. Это и другая бросающаяся в глаза литературная аллюзия: имя приемной мамы. Ее зовут Настасья Филипповна – отметим, не Анастасия, а именно Настасья, что в точности совпадает с именем героини романа «Идиот» Ф.М. Достоевского. И, хотя, с одной стороны, образ андреевской Настасьи Филипповны является положительным – она любит мальчика, и он ее очень любит, - с другой стороны, автор подчеркивает в ее внешности и манере поведения некоторые черты, роднящие ее с Настасьей Филипповной Достоевского. В частности, это не единожды упоминаемые бриллианты [ср.: 3], которые как бы отражают ее эмоции: они «засверкали в ушах», когда стало известно, что суд отказал, и Валя остается с приемными родителями, и «дрожали и переливались», когда Валя все-таки уехал с родной матерью.

Рассказ «Валя» посвящен детскому взгляду на пороки взрослых, и его завершение вполне в новеллистическом духе: хотя Валя явно больше любит приемных отца и мать, с удовольствием играет с ними, и ему кажется, что, попав к приемной матери, он умрет, - тем не менее, в последней фразе он сообщает матери, что будет ее любить и почитает ей про бедную русалочку. Все развитие сюжета, все детали, насыщающие мир Вали в доме приемных родителей и абсолютно новый для него мир родной матери, - все это подталкивает читателя к мысли, что в новом мире Вале плохо, в комнате матери время словно остановилось, так как она ждала младенца, а не относительно взрослого и самостоятельного малыша. Кровать, приготовленная матерью для Вали, слишком мала, - «в углу, против большой кровати, стояла под пологом маленькая кровать, такая, в каких Валя давно уже не спал» [1]. Игрушки, приготовленные для него матерью, также рассчитаны на малыша – мальчик рассматривает их из вежливости, он «давно уже не играл в игрушки и не любил их, но из вежливости не показал этого матери» [1]. В то же время в семье приемных родителей для него придумываются интересные и приятные ему игры.

Переходным моментом от защищенного к незащищенному и обратно является сон. Валя в одноименном рассказе беспокойно спит, когда ожидается, что его заберет «эта женщина», и его сон в какой-то момент напоминает его приемным родителям смерть, вызывая ужас.

Казалось бы, все идет к отвержению родной матери в пользу приемных родителей – однако в определенный момент начинается обратно направленное движение: «эта женщина» в понимании Вали превращается в «бедную русалочку» - «бедную женщину» - затем «маму». И этот финал тем удивительнее, что автор постоянно подчеркивает серьезность и основательность Вали, который, казалось бы, взвесив все «за» и «против», должен был бы проявить больше уважения к устроенной и спокойной жизни приемных родителей, а не к неустроенному быту родной матери.

Превращению «этой женщины» в «маму» соответствует превращение Вали из «мальчика» в начале рассказа в «человека» в конце. В самом начале приемная мать обращается памятью даже к тем моментам, когда Валя был совсем младенцем: «Так вот, когда он был маленький и смешной, как киска, его принесла эта женщина и отдала, как киску, навсегда. А теперь, когда он стал такой большой и умный, она хочет взять его к себе» [1].

В конце же отмечена основательность и серьезность, отмечающая все действия «этого человека» - мальчика, который из ребенка, видевшего в матери порождение дьявола, пугавшее его во сне, плавно преобразовался в ее единственную поддержку и опору.

В «Вале» ребенок, хотя и слышит осуждение родной матери, не присоединяется к взрослой точке зрения: и тот факт, что та, кого он считал мамой, оказалась его тетей, не так сильно поражает его, и само отношение к родной матери отражает не столько осуждение ее жизни, сколько страх, что она заберет его, - а впоследствии решимость любить ее и поддерживать.

Маркером отношения к матери становится смена ее наименования, симметричная смене названия самого мальчика. При этом пространственные параметры мира ребенка отражают смену его отношения к родной матери. Переход из мира приемных родителей к миру кровной матери осуществляется через мир книг: появления матери сопровождаются чтением книги про Бову, изменение отношения к ней – чтением сказки про русалочку, а когда мать с Валею идут в новое жилище, дома напоминают ребенку буквы из его книг.

Андреев демонстрирует в «Вале» важность для мира ребенка матери и постепенное приближение к принятию ее недостатков через архетипы, усвоенные ребенком из книг. Валя погружается в книжный мир именно для принятия ситуации, сложившейся в его жизни: сказка о Бове посвящена взаимоотношениям с приемными родителями, а сказка о русалочке – ситуации женщины, отказавшейся от всего ради любви.

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Повести и рассказы в двух томах. — М., ИХЛ, 1971. — Т. 1 – 430 с. — Т. 2. — 686 с. // Цит. по [Электронный ресурс]. URL: <http://leonidandreev.ru/rasskazy/index.htm> (Дата обращения 22.12.2017)
2. Борзова Н.А. Образы детей в произведениях Леонида Андреева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 17, № 1(5), 2015. — С. 1130 – 1132.
3. Грачева И.В. Символика бриллианта в «Идиоте» Ф.М. Достоевского // «Русская речь», 2006, № 6 // [Электронный ресурс]. URL: <http://library.rsu.edu.ru/p6885/> (Дата обращения 22.12.2017)
4. Купченко М.Л. Детские образы в творчестве Ч. Диккенса и Л. Андреева: традиция и новаторство // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2017. — С. 92 – 98.

10.01.01

Н.А. Ларина кандидат культурологии

«Государственный социально-гуманитарный университет»,
Факультет повышения квалификации и профессиональной переподготовки,
Коломна, Московская обл., larina-n-a@mail.ru

**«ПУШКИНСКИЙ СЛЕД» В РАССКАЗАХ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА:
ОБРАЗ МЕТЕЛИ КАК МИРОМОДЕЛИРУЮЩАЯ КОНСТАНТА**

Статья посвящена реминисценциям из Пушкина в рассказах Валерия Брюсова. В рассказе «Защита» присутствует отсылка к «Метели» А.С. Пушкина, а мотивы, намеченные в «Защите», получают развитие в рассказе «Сестры». Общим пунктом всех трех текстов является обращение к метели как к движущей пружине сюжета.

Ключевые слова: *Брюсов, Пушкин, рассказ, миромоделирование.*

В.Я. Брюсов часто обращался к творчеству Пушкина, анализировал его произведения и посвящал им литературоведческие исследования. Кроме того, в прозаических произведениях Брюсова можно выявить пушкинские мотивы, одному из которых и посвящено данное исследование.

В произведении А.С. Пушкина «Метель» вынесенное в заголовок явление природы становится причиной злключения Марии Гавриловны: из-за метели срывается намеченное тайное венчание. Владимир заблудился, попав в метель, а Бурмин из-за той же метели случайно оказался в той деревне, где должна была произойти свадьба. У Пушкина выстраивается, таким образом, причинно-следственная связь «метель – подмена возлюбленного», а впоследствии благодаря романтическому стечению обстоятельств Мария Гавриловна находит своего законного супруга.

В.Я. Брюсов дважды помещает героев своих рассказов в зимнюю обстановку, особенно акцентируя внимание на метели. В рассказе «Защита» герой – молодой офицер, как и пушкинский Владимир Николаевич, в метельный вечер выдвигается к своей возлюбленной: «Не знаю, как я не погиб тогда. Везде в двух шагах словно стояла серая стена. На дороге снег был чуть не по колено. Двадцать раз я сбивался с пути. Двадцать раз моя лошадь отказывалась идти дальше. <...> Десять верст я ехал чуть ли не три часа» [1, с. 56]. Практически те же самые приключения переживает и пушкинский влюбленный: «Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб» [4, с. 66].

Герой Брюсова, впрочем, использовал метель как часть плана по завоеванию непокорной вдовы: он намеренно выехал в самый жуткий вечер, чтобы явиться к ней в гости и заночевать. Дальнейшие события выглядят как переосмысление пушкинского сюжета пародийном ключе [ср.: 3, с. 53-58]. У Пушкина Мария Гавриловна обвенчалась с незнакомцем и не смогла встретиться со своим возлюбленным из-за того, что у нее теперь уже есть законный муж. Брюсовский влюбленный, полковник Р., также не может рассчитывать на благосклонность Елены Григорьевны, которая не просто хранит верность своему покойному супругу, но и ощущает его присутствие рядом с собой.

Елена Григорьевна из брюсовской «Защиты» во многом напоминает пушкинскую Марию Гавриловну. Как и героиня «Метели», она постоянно называется в рассказе именем-отчеством. Помимо этого, она хранит верность покойному, как и Мария Гавриловна, которая «берегла все, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее» [4, с. 70]. И развязка рассказа «Защита», несмотря на ее мистичность, в целом состоит в том же, в чем и развязка пушкинской повести: женщина счастлива со своим законным мужем.

Метель у Пушкина играет роль Провидения: Владимир Николаевич блуждает на дороге, которая ему прекрасно знакома, и в это же время Бурмин отправляется в самую бурю в путь, хотя его все отговаривают, но он признается «непонятное беспокойство так и овладело мною; казалось, меня кто-то так и толкал» [4, с. 74].

У Брюсова метель становится лишь поводом к встрече, который выгодно использовал безрассудный влюбленный. Его расчет не оправдался, он столкнулся с холодностью своей возлюбленной, которая совершает признание: «Вы еще слишком молоды, и любовь для вас в новинку. Будь на моем месте другая женщина, вы влюбились бы в нее. Через месяц вы полюбите третью. Но есть иная любовь, которая черпает душу до дна. Такова была моя любовь к Сергею, к моему покойному мужу. Я отдала ему все свое чувство до конца» [1, с. 58].

В этих словах звучат идеи, ставшие ключевыми для другого рассказа Брюсова, герои которого тоже попали в метель, однако для них она стала роковой. В написанном два года спустя после «Защиты» рассказе «Сестры» главный герой является законным мужем одной сестры, любовником второй и при этом страстно желает третью: и во всех трех случаях им движет желание именно исчерпать душу до дна, познать настоящее чувство: «Но ты яви мне всю безмерность любви» [2, с. 96]. Из-за метели главный герой, собравшийся уехать и разорвать порочный круг взаимоотношений в семье, вынужден вернуться, и это приводит к смерти всех четверых.

Единым знаменателем всех трех текстов – «Метели» Пушкина и «Защиты» и «Сестер» Брюсова является не только использование метели как движущей силы сюжета, но и обращение к архетипу «любви мертвеца». У Пушкина Мария Гавриловна сначала видит страшные сны – перед венчанием ей видится возлюбленный с пробитой головой. Затем она на некоторое время действительно становится «возлюбленной мертвеца», храня верность тому, кого уже нет среди живых.

У Брюсова этот архетип получает вполне конкретное воплощение. В «Защите» Елена Григорьевна, отвечая на признание влюбленного, сама называет себя мертвецом: «Сколько бы вы ни говорили мне о любви, я буду вас слушать, как труп. Поймите, что во мне не осталось способности понимать такие речи. Все равно, как если бы вы говорили перед глухой. Помирись с этим. Вам не может быть обидно, что вы не могли увлечь своей любовью мертвеца» [1, с. 58]. Впоследствии она признается, что ее умерший муж продолжает с ней общаться – она чувствует его дыхание, прикосновения и пр. Затем, при попытке прийти ночью к своей возлюбленной рассказчик встречает умершего мужа во плоти, и мертвец защищает свою жену от посягательства влюбленного офицера.

Идея «любви с мертвецом» получает еще более конкретное и жуткое воплощение в рассказе «Сестры». Николай, главный герой, из-за метели остается в доме трех сестер – Лидии, Кэт и Мары, каждая из которых связана с ним своим особым видом любви. Запертые метелью, четыре члена одной семьи погибают, причем не ясно, кто из них совершает убийство, а кто уходит из жизни добровольно: рассказ носит подзаголовок «судебная загадка», и в конце сообщается о загадочной смерти всех четверых.

Из трех сестер Лидия является законной женой Николая, Мара – его страстной любовницей, а Кэт – недоступной возлюбленной, близости с которой он жаждет, но так и не получает. Автор упоминает о том, что каждая из сестер говорит на своем языке, и отчасти это получает отражение в их именах: английское имя Кэт, распространенное русское имя Лидия, и экзотическое имя Мара соответствуют как бы разным языкам внутри одной семьи. В итоге истинной оказывается только любовь с мертвой, с призраком: «Я знаю, что ты – тень, видение, призрак Мары. Но призраку я хочу и могу сказать все, чего не говорил ей. Верю, что изо всех чувств, какие мучили и пленяли меня, святым было лишь чувство к ней, к твоему прообразу! Потому что наша любовь была влечением тел, жаждой сладострастия, незапятнанного ни дружбой, ни материнством. Наша любовь была стихийной тайной, одинаковой во всех мирах, роднящей человека с демонами и ангелами» [2, с. 98].

Архетип любви с мертвецом имеет два варианта решения в европейской мифологии: встреча живой женщины с мертвым мужчиной и встреча живого мужчины с мертвой женщиной. Первый вариант – это получивший многочисленные воплощения в легендах и балладах миф о мертвом женихе («Людмила» и «Светлана» Жуковского, «Ленора» Бюргера, сон Татьяны в «Евгении Онегине» Пушкина), который является к своей возлюбленной. Этот вариант воплощения архетипа присутствует как в видениях Марии Гавриловны в «Метели» Пушкина, так и в явлении призрака полковнику Р. из «Защиты» Брюсова.

Второй вариант – любовь живого мужчины с женщиной-мертвецом – получает воплощение в мифах о русалках, утопленницах, в пушкинской «Русалке». Брюсов создает свой вариант этого сюжета с трагической развязкой: Николай, герой «Защиты», перестает понимать, бред или явь перед ним, какая из сестер жива, а какая уже мертва, и кто кого убил. Сообщение о смерти всех четверых в конце текста «Сестер» подразумевает, что кто-то из героев убил остальных, а впоследствии покончил с собой. Сначала Николай видит, как Кэт совершает самоубийство, затем Мара показывает ему мертвые тела сестер и сообщает, что убила их.

Брюсов достаточно скуп описывает тот мир, в пространстве которого происходит действие «Сестер» и «Защиты». В обоих случаях герои проживают в усадьбе, из комнат упоминается столовая, спальня жены и кабинет мужа. В «Защите» офицер беседует с Еленой Григорьевной в столовой, затем ложится спать в кабинете мужа и приходит в его мундире к Елене Григорьевне в спальню. В «Сестрах» Лидия, Кэт и Мара грустят в столовой, проводив Николая, затем Николай возвращается и отправляется к себе в кабинет, куда к нему по очереди приходят сестры. Именно кабинет становится местом смерти сестер и Николая.

Внешнее пространство описано еще более лаконично: подробно описывается только метель. Мир, внешний по отношению к усадьбе, погружается в хаос: в нем «все смешивается», постоянно упоминается о плохой видимости, невозможности что-либо различить сквозь метель.

Метель является константой художественного мира двух рассказов, воплощая собой хаос, смешение всего, отсутствие способности различить. Герой «Сестер» не отличает, что является видением, а что происходит на самом деле, героиня «Защиты» не может отличить своего мужа от переодевшегося в него офицера. В обоих произведениях сильное душевное потрясение сопровождается беспмятством: в «Защите» в обморок сначала падает Елена Григорьевна, думающая, что видит умершего мужа наяву, а затем офицер, который после своей выходки падает на постель в оцепенении. Герой «Сестер» Николай в горячке теряет сознание и не может вернуться к реальности. Мотив бреда, обморока, горячки также отсылает к пушкинской «Метели», где Мария Гавриловна сначала пребывает в лихорадке после неудавшегося венчания, а затем падает в обморок после сообщения о смерти Владимира Николаевича.

Вдохновляясь пушкинскими мотивами, Брюсов тем не менее создает свой особый мир, в котором метель – не инструмент судьбы, а морок, туман, затмение, смешивающая все сила хоса.

Список литературы

1. Брюсов В.Я. Защита // Валерий Брюсов. Ось земная. Рассказы и драматические сцены. Изд. 3-е. – М.: «Скорпион», 1911. С. 55-61.
2. Брюсов В.Я. Сестры // Валерий Брюсов. Ось земная. Рассказы и драматические сцены. Издание 3-е. – Москва: «Скорпион», 1911. С. 83-98.
3. Кихней Л.Г. К герменевтике жанра в лирике // Герменевтика литературных жанров. Сер. «Poetica» Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2007. С. 36-68.
4. Пушкин А.С. Метель // А.С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Т. 5. Романы, повести. – С. 63 – 75.

10.01.00

¹А.М. Нигматуллина канд.филол.наук, ²А.Ю. Гиниятуллина канд.филол.наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений, истории и востоковедения,
¹кафедра алтаистики и китаеведения
²кафедра иностранных языков в сфере международных отношений
г. Казань, alsunigmatullina@mail.ru, alsu.giniyatullina.2016@mail.ru

**МОТИВ СВАТОВСТВА В ТРАДИЦИИ ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОСОВ
ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЭПОСА ОГУЗОВ «КНИГА МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»)**

В статье рассматривается героический эпос, как достижение устного поэтического творчества тюркского народа. Он представляет собой драгоценное наследие традиционной культуры народа, до сих пор несущее в себе большое воспитательное, познавательное и эстетическое значение. В общей системе творчества народов мира тюркский героический эпос занимает свое достойное место, что позволяет рассматривать его в контексте мировой культуры.

Ключевые слова: героический эпос, огузы, мотив сватовства, фольклор.

Классическим образцом героического эпоса огузов является сказание «Книга моего деда Коркута». С точки зрения турецких ученых-филологов, в частности Ахмета Кабаклы, именно это произведение согласно литературному разделению относится к эпохе Eski Nesir, то есть к Древней Эпохе [1, 202].

Героический эпос тюрков просуществовал века, вобрав в себя специфику исторических событий, мифологии, религии, материальной и духовной культуры родо-племенных социумов многих эпох. В наиболее архаичных его пластах зафиксированы мотивы и образы родового общества. Сюда относятся, к примеру, сюжеты борьбы богатырей с чудовищами, хтоническими существами, например, единоборство жениха с чудовищными или сказочными зверями отца невесты из сказания «Песнь о Кан-Туралы, сыне Канлы-Коджи» или ослепление одноглазого великана-людоеда Депе-Гэза в сказании «Песнь о том, как Бисат убил Депе-Гэза».

В общей системе творчества народов мира, тюркский героический эпос «Книга моего деда Коркута» занимает особое место, в наше время интерес к данному памятнику не ослабевает и это позволяет рассматривать его в контексте мировой культуры.

Наиболее значительный вклад среди отечественных тюркологов в изучение этого эпического произведения внес В.В. Бартольд. В 1894 году он выступил с сообщением о «Книге моего деда Коркута» [2, 2] и опубликовал русский перевод сказания «Об удалом Домруле». В дальнейшем В.В.Бартольд неоднократно возвращался к великому эпосу, публикуя переводы ряда его сказаний. Именно публикации этого исследователя о «Книге моего деда Коркута» стали толчком к более углубленному изучению этого памятника тюркской литературы. В 1962 году в издании Академии наук СССР вышла «Книга моего деда Коркута» (перевод академика В.В.Бартольда), подготовленная В.М.Жирмунским и А.Н.Кононовым [3, 299].

Героический эпос «Книга моего деда Коркута» отличает многогранность, охватывающая все жизненные исторические события, прошлого. С одной стороны в сказании явно выраженные эпические мотивы воспевающие героизм и патриотизм огузского народа, с другой в произведении отчетливо проступают лирические моменты, которые тесно сплетаются с эпическими.

Кроме того, эта тема включает в себя ряд типичных мотивов: известие о суженой, дальняя дорога с препятствиями в пути, прибытие к хану-тестю, участие в состязаниях, свадьба, путь домой. Этот «связка» мотивов зависит от последовательности развития сюжета. В сказаниях

могут присутствовать сразу не все эти мотивы, могут быть дополнительные, но, несмотря на это, композиционная структура сохраняется благодаря общим местам эпоса.

Тему сватовства как одной из популярных и распространенных в эпическом жанре тюркоязычных народов, рассмотрим на примере «Песни о Басми-Бейреке, сыне Кан-Буры» из героического эпоса «Книга моего деда Коркута».

Традиционная экспозиция сказания. Герои будущего сюжета сватовства, происходят от бездетных родителей, терпящих стыд и поношение от других огузских беков. Но пересилив себя, они во всеуслышание заявляют во время пира у Баюндур-хана о своем желании иметь детей, причем Бай-Бура-бек просит о наследнике-сыне, а Бай-Биджан-бек о дочери. То, что последний из беков возжелал рождение дочери, возможно, имеет и политический аспект – дальнейшее обручение детей и объединение кланов.

Далее следует традиционное описание чудесного рождения героя, которое как отмечает В.М. Жирмунский «имеют одинаково широкое и повсеместное распространение в эпосе, мифе и сказке, где герой рождается либо от вкушения яблока его матерью, от запаха цветка, от воды чудесного источника, в котором купалась его мать или от которого она испила, от солнечного света, от дождя или ветра и т.п.» [3, 207].

Но в героическом эпосе огузов мы не находим вышеперечисленные «формулы чудесного зачатия и рождения». Осуществление этого акта происходит благодаря общей молитве, которую произносят все огузские беки, пришедшие на пир. Сила произнесенной ими молитвы подтверждается фразой: «*В тот век благословение беков было (истинным) благословением, их проклятие – проклятием, их молитвы были услышаны*» [3, 32].

Дальнейшее развитие сюжета приводит к описанию детства героя-богатыря, которое также имеет традиционный характер в эпической поэзии всех народов. Здесь особо следует остановиться на мотивах обряда инициации, что в некоторой степени позволяет выявить ритуальные корни огузского эпоса. В сказании о необходимости прохождения обряда инициации, своего рода гражданского и брачного совершеннолетия говорится так: «*В тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови*» [3, 33].

Таких мотивов три. Во-первых, это становление героя к пятнадцати годам «*добрым джигитом, гордым, как коршун, отважным, как крапчатский орел, с поясом, отделанным металлом*» [3, 265]. Во-вторых, победа над гяурами, захватившими товары купцов, что дает право говорить, что обряд инициации пройден и героя нарекают именем – Басми-Бейрек. И наконец, состязание, которое предшествует сватовству с Бану-Чечек. Это наиболее архаичная и универсально распространенная особенность брачных состязаний между женихом и невестой. Согласно традиции тюркских сказаний оно состоит из устраиваемых состязаний, а именно: натягивание лука и стрельба из него, конские скачки, борьба. «*Оба сели на коней, выехали на ристалище, пустили коней – конь Бейрека обогнал коня девицы; выпустили стрелы – Бейрек рассек стрелу девицы. Девица говорит: «Слушай, джигит, моего коня еще никто не обгонял, моей стрелы никто не рассекал; теперь давай поборемся с тобой»*» [3, 35]. Залогом договоренности между молодыми людьми становится золотой перстень.

Таким образом, говоря о месте ритуальных истоков в определении смысла произведения, необходимо отметить, что с их помощью сформировались образы, ставшие архетипичными в мировой культуре. Главный герой огузского эпоса – Басми-Бейрек сохраняет черты первопродка, культурного героя, который борется с силами хаоса (с гяурами) и добывает блага: «*Взор джигита упал на серого морского жеребца, на палицу-шестопер, на осиновый лук*» [3, 33], а также исполняет желание отца, который видел в сыне достойного продолжателя рода: «*Казан говорит: «В чем твоё желание?» Бай-Бура-бек говорит: «...чтобы у меня был сын, чтобы он стоял перед ханом Баюндуром, служил ему, а я смотрел, радовался и гордился»*» [3, 32].

Не чужд эпосу и сочный народный юмор, который достиг кульминации в описании передачи калыма во время сватовства. Безумный Карчар убивает всех, кто сватает его сестру, девицу Бану-Чечек. От Бейрека он требует в качестве калыма по тысяче жеребцов,

верблюдов и баранов, не видавших самки, тысячу бесхвостых и беззубых псов да тысячу черных блох. Деде Коркут помогает Бейреку найти самое трудное – тысячу блох. При сдаче калыма деде Коркут говорит Карчару: «Сын мой Карчар, - сказал дед Коркут, - для человека это животное мучительно, как овод; это – страшный зверь; я собрал их всех в одном месте; пойдём (туда); жирных возьми, тощих оставь» [3, 38]. Карчар входит, тысячи голодных блох жадно на него набрасываются, и он едва опасается бегством, бросившись в воду по совету деде Коркута.

Как показал анализ, для рассматриваемой темы наиболее разработанными и объёмными по содержанию являются мотивы героического взросления, прохождение обряда инициации и участия в состязаниях. Затем следует выполнение трудных задач, они могут быть самыми разнообразными, например, добывание пера птицы, рога синего быка и т.д. Богатырь-зять из всех испытаний выходит победителем.

В сказании о Басми-Бейреке также присутствует брачное испытание, которое связано с появлением соперника - неверного Яртачука. В отличие от традиционного сражения между соперниками, в эпосе представлен не менее традиционный мотив - пленение героя. Шестнадцать лет пребывали в неведении и трауре родители и нареченная невеста Бану-Чечек. Но ее безумный брат Карчар решает вновь выдать сестру замуж, если подтвердится смерть Басми-Бейрека. Неверный Яртачук решает воспользоваться ситуацией и, взяв рубашку, когда-то подаренную ему Басми-Бейреком, окунает ее в кровь и сообщает о смерти Бейрека.

Тем временем весть о том, что его невесту Бану-Чечек сватают за неверного Яртачука доходит до Басми-Бейрека. Он совершает побег из плена, возвращается на родину, где разоблачает неверного Яртачука и убеждается в верности Бану-Чечек.

В этой части сказания проступают романические мотивы такие как хитроумный побег с целью «второго тура» героического сватовства, проникновение на свадьбу в образе певца-озана. Происходит замена героической темы старого народного эпоса сосредоточением повествования вокруг любовной, психологической темы. Именно такие романически-занимательные, новеллистические или сказочно-фантастические сюжеты и мотивы, отличают новую тематику эпоса романического от героического стиля.

За брачными испытаниями, которым подвергается герой-жених, скрываются черты брачного ритуала, имитирующего «отработку» брака. В целом героическое сватовство составляет органическую часть эпоса и является формой его сюжетной организации.

«Книга моего деда Коркута», как и большинство былинно-сказочных эпических памятников, написана ритмизованной прозой, в которую вкраплены стихотворные фрагменты, большей частью лирического характера. Язык эпоса богат по лексическому составу, очевидно, сказители чувствовали все его тонкости. Высоко и поэтическое мастерство певцов (озанов). Стихотворные диалоги образны; сравнения, звукопись усиливают их художественное воздействие. Вот как вопрошает Басми-Бейрек у своей невесты о ее верности: «Проливали ли ты из черных очей горькие слезы, девица? Раздирала ли ты свои алые щеки, подобные осеннему яблоку, девица? Ты выходишь замуж; золотой перстень – мой; отдай его мне девица!» [3, 46].

Эпос заканчивается радостным пиром и воссоединением распавшегося племени под властью его законного правителя.

Список литературы

1. Ahmet Kabaklı, Türk edebiyatı. / Ankara: 1999. – S.202.
2. Бартольд В.В. Кононов А.Н. Турецкий эпос и Кавказ. / Бартольд В.В. Кононов А.Н. Статья: 1930. – С.2.
3. Бартольд В.В. Кононов А.Н. Книга моего деда Коркута. / Бартольд В.В. Кононов А.Н. – М.-Л. Академия наук СССР: 1962. 299с.

10.02.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10.02.20

А.В. Агеева канд.филол.наук, Ю.В. Смахина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений, истории и востоковедения,
кафедра европейских языков и культур,
Казань, anastasia_ageeva@mail.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
РУССКОЙ ЭТИМОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

В работе представлены результаты изучения лексических новообразований русского происхождения в глоттоническом дискурсе французского языка. Настоящее исследование описывает основные тенденции функциональной и семантической адаптации существительных русской этимологии во французском языке в соответствии с общими направлениями языкового развития.

Ключевые слова: *языковые контакты, французский язык, русский язык, заимствование, адаптация, семантический объем.*

Языковая ситуация, сложившаяся во Франции во второй половине XX в., поистине уникальна: экспансия англо-американской культурной модели вызвала к жизни невиданный доселе поток англицизмов, ассимилировать который язык Мольера и Бальзака оказался не в состоянии. В 1972 правительством Французской Республики и Французской Академией учреждены специальные терминологические и неологические комиссии, призванные отслеживать английские заимствования и создавать французские эквиваленты новых терминов во избежание чрезмерного употребления англицизмов [1; 4].

Казалось бы, политика столь жесткого пуризма должна быть как минимум равнонаправленной и преследовать любые иноязычия во французском языке. Однако действительность не всегда отвечает нашим представлениям о ней, в результате чего все санкции контролирующих органов нацелены исключительно на проявления *franglais*, тогда как заимствования из остальных языков, как носители несравненно меньшей угрозы, остаются практически без внимания. В частности, заимствования из русского языка представлены во французской лексической системе сравнительно небольшим числом единиц: порядка 200 русизмов, принадлежащих к разным сферам человеческой деятельности [4]. Процессуально заимствование русских слов «привязано» к тем или иным значимым историческим событиям. Например, всплеск революционных движений в XIX в. подарил французскому такие слова, как *pogrom, zemstvo, Zemlia I Volia, decabrist*. Мода на «русскую экзотику» возвращается во Францию наших дней в связи с активизацией туристических контактов, системы студенческих и профессиональных обменов, чем и обусловлена актуальность настоящей работы.

В рамках данного исследования мы предполагаем сконцентрироваться на единицах одного тематического пласта, т.е. лексике, принадлежащей к гастрономическому дискурсу современного французского языка. Материалом исследования послужили таким образом данные сплошной и специальной выборки с кулинарных сайтов [3; 6; 7], где нами было выделено порядка 30 лексических единиц русской этимологии, представляющих различные стадии комплексного процесса ассимиляции. Ассимиляция иноязычной лексики как естественный для всякого нового элемента процесс приспособления к чуждой системе, специфична для каждого языка – и более того, для каждой комбинации контактирующих языков. Здесь стоит оговорить, что разделение ассимиляционного комплекса на дистантные процессы мы считаем весьма условным и придерживаемся его в силу удобства анализа: понятно, что освоение протекает на всех уровнях одновременно, пусть и с разной

интенсивностью, иначе не были бы возможны, например, семантические изменения при наличии у лексической единицы разночтений в оформлении рода или фонетико-графической дублетности. Так, для единиц русского происхождения характерным является наличие фонетико-графических (*botchtch – bortch*) и морфологических (*le kacha – la kacha, le zakouski – les zakouski*) вариантов. Последние, как мы видим, представлены не только традиционной для иноязычий родовой синонимией, но и колебаниями в числе.

С точки зрения функциональной адаптации лексики русского происхождения все попавшие в поле нашего анализа лексемы являются экзотизмами, служащими для заполнения понятийных лакун. Их характерная особенность – отсутствие дублетных отношений с исконными словами. Описывая реалии жизни другого народа, русизмы гастрономической сферы не имеют французских эквивалентов; носители максимально близких смыслов связаны с ними далеко не полными синонимическими (*les blinis – les crêpes, le pirog – le gateau*), либо гипо-гиперонимическими отношениями, напр., *le borchtch, le chtchi, la botwinka* являются по сути видовыми наименованиями блюд, которые можно классифицировать французским родовым понятием *la soupe*; *le vatrouchka, le médovik* являются гипонимами по отношению к французскому *le gateau* и т.д. К тому же заметим, что наличие в языке названий блюд кухни какого-либо из народов мира еще не означает, что эти слова регулярно фигурируют в языке: например, ознакомление с видео на YouTube, снятых французскими гурманами, пробующими русские блюда, показало, что в большинстве случаев французы не знакомы с такими словами, как *les pirojkis, le bortch* или *le vatrouchka*, каждое из них требует уточнения значения и дополнительных пояснений, следовательно, в активном словарном запасе данные единицы не фигурируют, оставаясь по-прежнему на периферии языка.

Однако позволим себе и здесь выделить исключения: заимствования *les blinis* и *la vodka*. Во время анализа сайтов с рецептами слово *les blinis* встретилось в 93 статьях, слово *la vodka* – 83. Это самые высокие показатели среди остальных существительных, и разрыв в количестве использования оказался существенным. Помимо слова *la vodka*, неоднократно упоминавшегося в литературе и публицистике без привязки к русскому образу жизни (ср. «*Vodka-orange. Cocktail composé de vodka et de jus d'orange. <Vodka> sert de base à de nombreux cocktails, les plus célèbres étant ceux que l'on fait avec des jus de fruits*» [Sallé 1982, цит. по: 5]), словарную фиксацию имеет русизм *la kacha* [5]. Остальные лексические единицы, вошедшие в поле нашего анализа толковыми словарями французского языка не зарегистрированы.

Что касается семантических корреляций между русизмом во французском языке и его русским прототипом, мы можем вполне четко выделить доминирующую тенденцию к сохранению семантического объема: все русизмы гастрономической сферы сохраняют значение прототипа. Лишь имя существительное *la kacha* имеет некоторые смысловые модификации, выражающиеся в сужении семантики: в языке-источнике *каша* – блюдо из любых разваренных зерен [15]. Язык-реципиент уточняет значение до ‘*la bouillie de sarasin*’ – каши из гречневой крупы [5].

Таким образом, материал гастрономического дискурса французского языка довольно показателен в плане функционально-семантических характеристик иноязычий русской этимологии. Здесь четко просматриваются процессы реактивации заимствований XIX в. (*vodka, kacha, veau Orloff, boeuf Stroganoff*), равно как наметившаяся тенденция к трансферу новых номинаций экзотических реалий кулинарной сферы, демонстрирующая неуклонный интерес французов к русской культуре и быту.

Список литературы

1. *Académie Française* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.academie-francaise.fr/dire-ne-pas-dire/neologismes-anglicismes> (Дата обращения: 17.01.2017).
2. Ageeva A.V. Gallicisms in the Russian Language: Theory and Practice of Language Contact Study / A. V. Ageeva, N. V. Gabdreeva, K. M. Amirkhanova // *The Social Sciences*. – 2016. – 11 (17). – PP. 4085-4088 .
3. *Allrecipes France* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://allrecipes.fr/?o_is=TopNav_Logo (дата обращения: 10.10.2017).
4. *Bertrand O.* Histoire du vocabulaire français origines emprunts & création lexicale / O. Bertrand. – Paris : Broché, 2011. – 230 p.
5. *Centre Nationale des Ressources Textuelles et Lexicales* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/> (дата обращения: 22.11.2016).
6. *Cuisine actuelle: toutes vos recettes de cuisine* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cuisineactuelle.fr> (дата обращения: 11.10.2017).
7. *Gourmand: recette de cuisine facile et rapide* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gourmand.viepratique.fr> (дата обращения: 09.10.2017).
8. *Martysiuk M.* Характеристика немецких заимствованных имен существительных в русском языке. Фонетика, акцентуация, морфология, семантика. / М. Martysiuk – Poznan, 1978. – 129с.
9. *Pergnier M.* « A propos des emprunts du français à l'anglais. » *Le français en contact avec l'anglais : en hommage à Jean Darbelnet* / М. Pergnier. – Paris : Didier Erudition, 1988. – 171 p.
10. *Габдреева Н.В.* Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография / Н.В. Габдреева. А.В. Агеева, А.Р. Тимиргалеева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 328 с.
11. *Калиневич М.М.* Заимствования из французского языка в современный русский литературный язык / М.М. Калиневич. – Познань, 1978. – 72 с.
12. *Маринова Е.В.* Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие. // Е.В. Маринова. – М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2012. – 296 с.
13. *Толковый словарь русского языка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ozhgov.slovaronline.com/11891-KASHA> (дата обращения: 16.10.2017).

10.02.00

¹А.Х. Ашрапова канд.филол.наук, ²Г.Ж. Фахрутдинова д-р.пед.наук,
³И.Т. Хайруллин канд.пед.наук

¹Казанский федеральный университет
Казань, Alsu.Ashrapova@ksu.ru

²Казанский федеральный университет, кафедра методологии обучения и воспитания,
Казань, gdautova@mail.ru

³Казанский государственный энергетический университет,
Казанский федеральный университет,
Казань, hairullin_it@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ АУДИРОВАНИЯ)

В статье раскрываются вопросы восприятия текста при обучении иностранному языку на примере аудирования. Авторы указывают, что речевое общение не обходится без аудирования, и его роль в современных условиях значительно возрастает. В статье дается анализ технологии аудирования как сложной рецептивной мыслительно-мнемической деятельности, связанной с восприятием, пониманием и активной переработкой информации, содержащейся в устном речевом сообщении, рассматриваются существующие лингвистические трудности.

Ключевые слова: *аудирование, лингвистические трудности, обучение иностранному языку.*

В современном мире информационных технологий и непрерывного движения человек развивается каждый день, и знание иностранных языков становится все более популярным. Необходимость изучения иностранных языков сильно возросла, потому что человек, умеющий не только читать и писать, но и общаться на иностранном языке, повышает свои шансы на получение перспективной работы.

Овладевая иностранным языком, мы раскрываем границы нашего познания, получаем больше возможностей для того, чтобы окунуться в новый, неизвестный для нас мир. Через изучение иностранного языка человек проникает в социальную и культурную жизнь страны, язык которой он изучает, где бы он ни был, даже не находясь непосредственно в этой стране. Изучая иностранный язык, человек интеллектуально и эмоционально развивается, в нем формируются различные способности, в том числе и творческие, развивается память, воображение, абстрактное мышление.

В наши дни существует множество способов и методов изучения иностранных языков, и все они разные и могут существенно отличаться друг от друга. Однако ни один из них не обходится без обучения аудированию. Являясь одним из трудных видов речевой деятельности, аудирование играет важнейшую роль при обучении любому иностранному языку.

Речевое общение не обходится без аудирования, и его роль значительно возрастает. Большую часть всей информации человек получает при устном общении. Понятие аудирование включает в себя процесс восприятия и понимания речи на слух. Аудирование является сложной рецептивной мыслительно-мнемической деятельностью, связанной с восприятием, пониманием и активной переработкой информации, содержащейся в устном речевом сообщении. [1:161]. Рогова Г.В и Верещагина И.Н. сходятся во мнении, что аудирование – это понимание воспринимаемой речи на слух. Оно представляет собой перцептивную мыслительную мнемическую деятельность. Перцептивную – потому что осуществляется восприятие, рецепция, перцепция; мыслительную – потому что ее выполнение связано с основными мыслительными операциями: анализом, синтезом,

индукцией, дедукцией, сравнением, абстрагированием, конкретизацией и др.; мнемическую – потому что имеет место выделение и усвоение информативных признаков, формирование образа, узнавание, опознавание в результате сличения с эталоном, хранящимся в памяти. [2: 117]. Тем не менее, в английском языке этот термин употребляется иначе. “Listening comprehension” («восприятие и понимание со слуха»), с точки зрения зарубежных методистов, крайне точно передает содержание этого самостоятельного вида речевой деятельности.

Некоторые авторы в своих работах различают два вида аудирования (в зависимости от поставленных задач и по признаку полноты понимания информации): аудирование с полным пониманием и аудирование с пониманием основного содержания услышанного. Отличительной чертой первого вида является то, что его тексты понятны и не содержат незнакомой лексики, все слова знакомы слушающему и не являются препятствием при понимании текста. При аудировании с пониманием основного содержания используются тексты, содержащие определенный процент незнакомых слов и выражений. Эти тексты направлены на их понимание в целом, на выявление главной мысли и основной информации.

Практический опыт обучения иностранному языку и практика общения показывают, что аудирование является одним из труднейших видов речевой деятельности. Это обусловлено тем, что, во-первых, оно характеризуется одноразовостью предъявления. [3: 125]. Необходимо понимать услышанную речь с первого раза, т.к. при реальном общении вероятность повторов практически исключена. Во-вторых, у каждого человека свой уровень понимания иностранной речи, и мы не в силах изменить и приспособить речь говорящего человека для удобства восприятия. В-третьих, существует немало трудностей, которые препятствуют восприятию и пониманию звучащей речи. Рассмотрим их подробнее.

Все трудности аудирования, возникающие у учащихся при изучении иностранного языка, по мнению Е.Н. Солововой, можно условно разделить на 3 части [3]: 1. Трудности, связанные с условиями аудирования. К таким трудностям можно отнести внешние шумы, помехи, низкокачественную акустику, звукозапись и т.д. 2. Трудности, связанные с индивидуальными особенностями источника речи. Практика выявляет, что при обучении аудированию необходимо слушать тексты, записанные как мужскими, так и женскими голосами, также записанных людьми разного возраста.

Существует мнение, что тот, кто понимает речь детей до 5 лет, своими навыками может сравниться с носителями языка. А речь подростков порой бывает нам абсолютно непонятной, т.к. им свойственно «проглатывание» слов и части предложений, а также использование молодежного сленга. Немаловажными являются и такие индивидуальные особенности говорящего, как особенности дикции, тембра, темпа говорения, применения пауз; возможны нарушения артикуляции, а также разнообразные акценты и диалекты. 3. Использование огромного количества незнакомой лексики, неизвестных слов, выражений, терминов и аббревиатур относятся к трудностям, связанным с языковыми особенностями воспринимаемого материала. Чем шире словарный запас учащегося, тем легче ему удастся понимать речь на слух. Существует множество идиом и клише, смысл которых не всегда связан со значением входящих в них слов. Например, такие выражения как, “It’s not my cup of tea, and pigs can fly, it’s raining cats and dogs” и др., могут ввести нас в недоумение и заблуждение, хотя по отдельности эти слова нам знакомы. Это сравнимо с тем, что иностранцу будет трудно понять выражения «как снег на голову, остаться с носом, разуть глаза» и т.д.

Пониманию речи на слух также препятствуют однократность и кратковременность предъявления информации. Данные особенности слухового восприятия приводят к нарушению его целостности. Однократность (неповторимость) обусловлена тем, что аудирование предполагает предоставление информации лишь один раз. Но зачастую ученики сталкиваются с непониманием речи, и учитель делает большую ошибку, давая ученикам возможность многократного повторения текста, прослушивания его снова и снова. Следовательно, учитель сам «тормозит» развитие навыков понимания речи на слух, а это не

ведет к поставленной цели и только отдаляет от нее. Поэтому следует уменьшить количество повторов или же допустить их только в том случае, когда они оправданы заданием, например, когда ученикам необходимо при первом прослушивании текста понять содержание, а при втором – найти ответы на поставленные вопросы («кто?», «что?», «где?», «когда?») и более сложное «почему?»).

Что касается лингвистических трудностей звучащего текста, то здесь важно отметить, что их относят к фонетике, лексике и грамматике. Фонетические трудности возникают при: 1) расхождении между написанием и произношением; 2) смешивании звуков, что приводит к несовпадению звучащего и написанного текста (например, plain ice = play nice = [pleinai]); 3) несовпадении в разных языках темпоральных характеристик гласных и согласных звуков; 4) несовпадении дифференциальных признаков фонем в родном и иностранном языках; 5) подвижности ударения (présent – présent) и т.д. Трудности при распознавании омонимов (омофонов) и паронимов относятся к лексическим (например, night – knight, new – knew, see – sea, major – mayor и др.). Сюда же относятся и так называемые межъязыковые паронимы (слова, схожие по звучанию или написанию в разных языках, но отличающиеся по значению: magazine – не магазин, а журнал), а также идиомы, имена собственные, цифры и реалии.

К грамматическим трудностям относят бессюзную подчинительную связь, характерную для английского языка, которая воспринимается как сочинительная (he told us he would come), обратный порядок слов в предложении (инверсия). При этом понимание услышанного сильно затрудняется.

Также стоит иметь в виду, что важным при аудировании является и его вид. Как показывает опыт, живая речь более эффективно усваивается учениками, т.к. при таком общении понимание облегчается такими факторами как мимика, жесты, взгляд, выражение лица и артикуляция. Поэтому ученикам на начальном этапе обучения необходимо присутствие говорящего, чтобы не только слышать, что он говорит, но и видеть, как он это делает. Диалогическая речь воспринимается намного труднее монологической, особенно когда ученик не участвует в диалоге и слушает со стороны, не видя говорящих. Хорошо построенная монологическая речь воспринимается свободно даже в механической записи. Очевидно, что для успешного усвоения навыками понимания речи на слух, нам необходимо умение справляться с трудностями, а для этого стоит сформировать целую методику, направленную на учетывание всех трудностей и их преодоление.

Список литературы

1. Гальскова Н. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. уч. заведений / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 336 с.
2. Рогова Г.В. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях: Пособие для учителей и студентов пед. вузов / Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2006. – 232с.
3. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: пособия для студентов пед. вузов и учителей / Е.Н. Соловова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2003. – 239 с.

10.02.00

В.В. Батицкая канд.филол.наук, В.В. Гурин канд.филол.наук

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
Педагогический институт, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, mbv17@yandex.ru, gurinvv83@rambler.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО КОНЦЕПТА ПОПЫТКА И АНГЛИЙСКОГО КОНЦЕПТА TRY

Статья посвящена исследованию национальных концептов ПОПЫТКА и TRY на материале английского и русского языков. За основу был взят лексикографический анализ лексико-семантических полей «Попытка» и «Тру», объективирующих исследуемые концепты в двух языках. Проведенный анализ позволил выявить основные и второстепенные признаки данных концептов, определить области их совпадения/ несовпадения и описать их национальное своеобразие.

Ключевые слова: *концепт, содержание концепта, лексико-семантическое поле, попытка.*

Актуальность избранной темы определяется отсутствием систематических сопоставительных описаний на материале русского и английского языков, а также интересом к раскрытию национальных особенностей в понимании основополагающих познавательных концептов.

Попытка – это один из первых шагов к реализации какого-либо действия, получению результата. Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, попытка – это действие, направленное к осуществлению или достижению чего-нибудь и связанное с некоторым риском, неуверенностью в успехе» [4]. В толковом словаре Д.В. Дмитриева [1] наряду с первым толкованием присутствует также указание на то, что «в некоторых видах спорта попыткой называют выступление спортсмена, которое может быть повторено определённое количество раз для улучшения результата». Для сравнения англоязычные словари синонимов Collins English Thesaurus [5] и Merriam-Webster Thesaurus [8] трактуют попытку как 1) making an effort to do or accomplish something и 2) the act or action of setting upon with force or violence. Лексико-семантическое поле (ЛСП) «Попытка» в русском языке формировалось на основании присутствия в семантической структуре лексических единиц следующих интегральных сем: 1) действие, направленное к осуществлению (достижению) чего-нибудь; 2) риск, неуверенность в успехе. Основанием для включения лексем в ЛСП «Тру» в английском языке послужило наличие в их семантической структуре интегральных сем: 1) making an effort to do or accomplish something; 2) the act of setting upon with force or violence.

Подробный анализ статей словарей русского и английского языков позволил выявить лексические единицы, выражающие попытку, и сформировать ЛСП «Попытка» и «Тру» в русском и английском языках. В состав ЛСП «Попытка» в русском языке были включены следующие единицы: испытание, эксперимент, шанс, рывок, заход, потуги, поползновения, прикидка, азарт, бегство, бросок, дебют, действие, исследование, надрыв, намерение, напряжение, опробывание, опрос, работа, радение, рассмотрение, рвение, старание, труд, упражнение, усердие, усилие, цель.

Показательны глаголы, которые употребляются с существительным «попытка» в русском языке – это: оказаться, провалиться, удалиться, закончиться, увенчаться, окончиться, потерпеть, сорваться, привести, показать, завершиться, иметь, остаться, заканчиваться, получиться, сделать, выглядеть, установить, дать, смочь, состояться, показаться, обойтись, терпеть, решить, пресечь, грозить, казаться, оставать(ся), вызываться, предприниматься, становиться, начаться, делать(ся), удаваться, отозваться, отбить, сталкивать, произойти [2].

К числу прилагательных, часто употребляющихся с существительным «попытка» в русском языке, относятся: безнадежная, первая, отчаянная, нелепая, последняя, неудачная, предпринятая, тщетная, жалкая, безуспешная, слабая, новая, бесплодная, робкая, очередная,

неуклюжая, успешная [2]. Среди выявленных прилагательных, частотно используемых с существительным попытка, 52% слов имеют сему «неуверенный, безуспешный», 34% лексем имеют нейтральное значение, указывая на очередность предпринятой попытки (первая, очередная), и только 14 % прилагательных содержат сему «удачный».

В структуру лексико-семантического поля «Тру» в английском языке вошли следующие лексические единицы: attempt (v, n), try (v, n), seek (v), essay (n), aim (v), endeavor (v, n), undertake (v), undertaking (n), strive (v), effort (n), struggle (v, n), bid (n), crack (v, n), fling (n), go (n), offer (n), pass (n), shot (n), trial (n), whack (n), whirl (n), attack (v, n), experiment (v,n), shot (v,n), stab (v. n), workout (n).

К числу прилагательных, часто употребляющихся с существительным attempt в английском языке, относятся: first, serious, (un)successful, last, desperate, little, vain, deliberate, further, futile, desperate, systematic, final, conscious, recent, feeble, initial, bold, similar, ambitious, slightest, honest, previous, fruitless, earlier, brave [6]. Среди выявленных прилагательных, которые сочетаются с существительным attempt, 36% имеют нейтральное значение (first, initial, previous), указывая на очередность попытки; 26% имеют отрицательное значение (unsuccessful, weak – неуспешный, слабый), оставшиеся 38% лексем означают «successful, efficient» (успешный, эффективный).

Ядро ЛСП «Попытка» в русском языке формируют лексические единицы «попытка», «испытание», «эксперимент» как носители интегральной нейтральной семы «действие, направленное к осуществлению или достижению чего-нибудь».

Ядро ЛСП «Тру» в английском языке составляют лексемы try, attempt как носители нейтральной семы «making an effort to do something» (попытка сделать что-либо).

В периферию ЛСП «Попытка» в русском языке нами были включены лексические единицы, содержащие в своей семантической структуре сему «труд»: действие, работа, труд; семы, указывающие на степень прилагаемого физического (умственного) усилия: потуги, бросок, напряжение, рвение, усердие; сему, указывающую на особенности эмоционального состояния: азарт; сему «исследовательская деятельность»: исследование, эксперимент.

Периферию ЛСП «Тру» в английском языке формируют языковые знаки, имеющие сему «act of setting upon with force» (акт насилия): attack, stab, shot, whack etc; сему «to move in a forceful manner» (напористое (про)движение): fling, whirl, go; сему «to devote a serious effort or energy» (отдать много энергии, совершить усилие): strive, undertake, undertaking, effort, endeavor etc; сему «research» (исследование): probe, research, scrutinize, investigate, try on; сему «military activity» (военная деятельность): shoot, battle, war, combat, clash, fight.

Проведенный лексикографический анализ позволяет выявить отличия в составе изучаемых ЛСП «Попытка» и «Тру» на материале русского и английского языков. Однако национальные отличия наиболее ярко проявляются при рассмотрении концепта ПОПЫТКА в русском языке и TRY в английском языке. Данный концепт является рамочным (термин Ю.С. Степанова [3]), то есть имеет некоторый основной, актуальный признак, который составляет главное содержание концепта – в нашем случае это «действие, направленное к осуществлению или достижению чего-нибудь» – и ряд признаков так называемого «коллективного представления», которые явились результатом развития общества. Основываясь на проведенном выше анализе, мы полагаем, что русский концепт ПОПЫТКА (как и английский) является многослойным. Наряду с основным признаком, важное место в нем составляет компонент «неуверенность, неуспешность». Также значимыми компонентами являются «труд, интенсивность усилия, эмоциональная составляющая и область применения (спорт, исследовательская деятельность).

Совпадение с английским концептом TRY в области основного актуального признака следует признать лишь частичным, так как совпадает только нейтральный компонент «making an effort to do something». Второй компонент английского концепта TRY «to accomplish something (to succeed)» соответствует лакуне в русском концепте. Компонент «успешность» представлен в составе русского концепта ПОПЫТКА крайне неявно. Другими значимыми компонентами английского концепта TRY являются «act of setting upon with

force» (насилие), «to move in a forceful manner» (энергичное движение). Как показал анализ, русский концепт ПОПЫТКА не содержит компонент «насилие», в отличие от английского, который, более того, содержит компонент «war, military activities» (война, военные действия). Оба и русский, и английский концепты совпадают в области компонентов «труд» и «исследовательская деятельность».

Список литературы

1. *Дмитриев Д.В.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/3917> (дата обращения: 03.01.2018).
2. Словарь ассоциаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.reright.ru/analysis/545601~попытка.html#asso> (дата обращения: 12.01.2018).
3. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с.
4. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/959890> (дата обращения: 11.12.2017).
5. Collins English Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus> (дата обращения: 19.12.2017).
6. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 03.11.2017)
7. English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/accomplish> (дата обращения: 19.01.2018).
8. Merriam-Webster Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/attempt> (дата обращения: 16.01.2018).

10.02.00

В.А. Гапутина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет,
кафедра общего и русского языкознания,
Москва, gaputina@rambler.ru

ГИБРИДНОСТЬ МЕДИАДИСКУРСА МОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ)

Статья посвящена исследованию медиадискурса моды, актуализируемого в пространстве глянцевого журнала, в аспекте явления гибридности. Гибридность интерпретируется как скрещивание элементов разных дискурсов и представлена двумя разновидностями: обязательной и прагматически обусловленной. Основное внимание уделяется гибридности дискурсов, элементы которых присутствуют в медиадискурсе моды в качестве обязательных.

Ключевые слова: *глянцевые журналы, медиадискурс моды, дискурс моды, гибридность, гибридный дискурс.*

На сегодняшний день термин «гибридность», первоначально возникший в ботанике и зоологии, является трансдисциплинарным, помещаемым в фокус исследования разных наук, таких как биология, медицина, химия, генная инженерия, экономика, социология, математический анализ, а также лингвистика. В современной лингвистике **гибридность** интерпретируется как «свойство какого-либо явления, которое образуется в результате соединения различных черт и признаков элементов» [1].

Данное выше определение легло в основу нашего исследования, посвященного изучению **медиадискурса моды**, под которым понимается

совокупность коммуникативных событий, объединенных тематикой моды, функционирующих в пространстве массмедиа, в их взаимосвязи с внеязыковой действительностью. Как следует из самого названия термина «медиадискурс моды», **данный дискурс представляет собой гибридное явление, соединяющее в себе характеристики любого из видов медиадискурса и дискурса моды**. Кроме того, неоднородность структуры и содержания медиадискурса, с одной стороны, и синтезированный характер дискурса моды, с другой, обуславливает наличие в нем черт не только «родительских» дискурсов, но и иных дискурсов, инкорпорированных в структуру медиасреды. Таким образом, гибридность медиадискурса моды детерминируется взаимодействием разных дискурсов в одном дискурсивном континууме.

К признакам гибридности мы относим смешение черт институционального и персонального дискурсов, сочетание лексических единиц, обслуживающих разные тематические дискурсы, синтез лексико-грамматических конструкций, характерных для дискурсов разной интенциональной направленности, соседство элементов неодинаковой стилистической маркированности, релевантных для разных дискурсов, комбинацию фактической информации и средств речевого воздействия на адресата.

Принимая во внимание поликодовый характер медиадискурса, сочетающего вербальные и невербальные элементы, подчеркнем, что мы не считаем семиотическую гибридность результатом скрещивания дискурса моды и медиадискурса или иных дискурсов, поскольку под дискурсом понимается прежде всего практика осуществления вербальной коммуникации.

В рамках данной статьи рассмотрим актуализацию явления гибридности медиадискурса моды на материале глянцевого журнала. Предпринятый нами анализ медиадискурса моды, репрезентируемого в пространстве глянцевого издания, позволил выявить две разновидности проявления гибридности: обязательную и прагматически обусловленную. Суть

обязательной гибридности заключается в том, что в состав медиадискурса моды неизменно включаются элементы других дискурсов ввиду общности их признаков. Далее приведем примеры комбинаций дискурса моды с дискурсами, элементы которых присутствуют в медиадискурсе моды в качестве обязательных:

- дискурс моды (одежда, обувь, аксессуары)+косметологический и парфюмерный дискурс

Гибридность данных видов дискурса обусловлена тесной взаимосвязью и «родственностью» тем о моде, косметике и парфюмерии, поскольку составляющими модного образа являются не только предметы гардероба, обувь и аксессуары, но и другие элементы внешнего облика: макияж, маникюр, прическа, для создания которых требуются определенные косметические средства. Завершает образ парфюмерная композиция. Например, в высказываниях *«Какой модный маникюр подойдет к любому новогоднему платью?»* («Glamour» февраль 2016); *«Неизменными спутниками романтического вечера станут ажурные чулки и чувственный аромат духов»* («Glamour» февраль 2016) лексемы, указывающие на предметы моды и их описание («новогоднее платье», «ажурные чулки») соседствуют с лексемами, обслуживающими косметологический дискурс («маникюр») и парфюмерный дискурс («аромат духов»).

- дискурс моды+инструктивный дискурс

Гибридность данных типов дискурса определяется пересечением их интенций. Продюсеры дискурса моды не только информируют реципиентов о положении дел в мире моды, но и инструктируют, как правильно подбирать детали гардероба и грамотно их сочетать. Элементы инструктивного дискурса в дискурсе моды, как правило, вербализируются с помощью глаголов в императиве: *«Чтобы трикотаж не скрывал твои изгибы, добавь пояс на талию. Мини-платье смело носи с ботфортами»* («Cosmopolitan» январь 2016). Однако «коммуникативная ситуация, в которой функционирует журнал моды, такова, что любое предложение прочитывается с модальностью императива» [2]: *«Скроем тонкую натуру за грубой черной кожей и обилием металла»* («Glamour» декабрь 2014) → *Скройте тонкую натуру за грубой черной кожей и обилием металла; «Этой зимой парку выгуливают не на даче, а в городе, причем даже с изысканными вещами»* («Glamour» декабрь 2014) → *Носите парку в городе в сочетании с изысканными вещами.*

- дискурс моды+рекламный дискурс

Гибридность дискурса моды и рекламного дискурса также обусловлена единством их интенций. Как и рекламный дискурс, дискурс моды призван способствовать продвижению модных товаров и услуг. На страницах глянцевого журнала в обязательном порядке присутствуют рубрики, в которых представлен обзор модных тенденций и предлагаемые для создания модного образа сочетания деталей гардероба, обуви и аксессуаров, дополняемые перечнем изображенных на фотографиях вещей с указанием на бренд и их стоимость: *«Купите это немедленно. Солнцезащитные очки, 14 500 руб., Max Mara. Балетки 37 500 руб., Aquazzura. Босоножки из кожи и шкуры пони, 65 700 руб. Ermanno Scervino. Сумка 29 820 руб., Pinko. Босоножки 5490 руб., Tamaris. Сумка 40 000 руб., Furla.»* («Glamour» июнь 2017). В данном случае присутствие рекламного дискурса маркируется названием марок модной продукции и цифровыми обозначениями ее стоимости. Что примечательно, в конце каждого глянцевого журнала можно найти адреса магазинов, где можно приобрести рекламируемые товары.

- дискурс моды+профессиональный дискурс

Гибридность данных типов дискурса определяется специфическим для дискурса моды набором языковых средств: профессиональной лексики и терминов, в том числе заимствованных, номинирующих детали гардероба, их цвет и фасон, виды тканей, стилевое направление и т. д., которые частично отражают признаки профессионального дискурса: *«Этнический орнамент на гобеленовом платье-пальто А-силуэта в стиле boho – fashion-компромисс между Востоком и Западом, воплощенный модным домом DIOR* («ELLE» июль 2017).

- дискурс моды + исторический дискурс

Гибридность данных типов дискурса обусловлена спецификой самого феномена моды как явления циклического и повторяющегося. Поэтому сообщения о положении дел в мире современной моды часто дополняются отсылкой к разным историческим эпохам, в которые господствовал тот или иной стиль одежды: «В коллекции *Miu Miu 2017* Миучча Прада проводит ликбез по модным эпохам середины XX века, замешивая широкоплечий силуэт 1940-х, вельвет из семидесятых и спортивные вещи послевоенного образца («ELLE» июль 2017).

Стоит отметить, что гибридность вышеуказанных типов дискурса определяется характером предоставляемой информации о моде, спецификой и назначением журнальных статей и рубрик, содержащих эту информацию. Также подчеркнем, что рассмотренные нами комбинации не исчерпывают всех возможных, но доказывают гибридный, синтезированный характер медиадискурса моды: он строится на базе указанных типов дискурсов и частично отражает их особенности.

Прагматически обусловленная гибридность определяется форматом гляцевых журналов, ориентированных на массовую аудиторию, и их ведущими интенциями: информировать, воздействовать и развлекать. С одной стороны, она реализуется в стремлении адресанта установить тесный контакт с адресатом и, как следствие, в отказе от строгого официального общения, имитации непринужденной легкой беседы с читателем. С другой – в стремлении создателей журналов привлечь внимание адресата к коммуникации на тему моды и ко всему изданию в целом за счет использования различных приемов речевого воздействия: языковой игры, метафор, прецедентных феноменов, ярких оценочных характеристик и мн. др. Таким образом, сокращение дистанции между автором и читателем, а также креативная подача информации о моде демонстрируют явление намеренной, прагматически обусловленной гибридности элементов дискурса моды и приемов медиадискурса. Однако рассмотрение данного явления выходит за рамки настоящей статьи.

Список литературы

1. Букеева М.Е. Гибридные жанры презентационного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.linguanet.ru/science/dissD/dissD1/D12014/Bukeeva%20M.E/Bukeeva%20M.E-refz.pdf> (дата обращения 08.02.2018).
2. Коньков В.И. Речевая организация журнала моды / В.И. Коньков // Медиалингвистика.– 2014.–№2(5).–С.51-57.

10.02.20

А.Ю. Гиниятуллина канд.филол.наук, М.Р. Гараева

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
ИМОИиВ, кафедра романо-германских языков в сфере международных отношений,
г. Казань, alsu.giniyatullina.2016@mail.ru, MRGaraeva@kpfu.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЙ В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье обосновывается положение о том, что сопоставление и сравнение языков позволяет определить общие и специфичные черты. Статья посвящена сопоставительному анализу татарских и английских причастий. В статье был проведен анализ особенностей данной формы глагола английского и татарского языков в синтаксическом аспекте. Несмотря на типологические различия переводных эквивалентов, выявлены определенные сходства их структурной организации, а также были отмечены случаи совпадения у них функционально-синтаксической коннотации.

Ключевые слова: *неличные формы глагола; причастие; сопоставительный анализ; синтаксис; грамматика.*

Объектом исследования данной статьи являются синтаксические функции татарского и английского причастия. Исследование данной темы проводилось на достоверном материале результатов, которые были достигнуты многими учеными современного английского и татарского языков. Основные методы исследования – синхронное описание фактического материала, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа.

В настоящее время, в мире глобализации и интеграции, происходит стирание границ между странами и континентами, соответственно наблюдается слияние языков, народов. Также этот процесс наблюдается в сфере науки, так, в современном мире многие ученые в области лингвистики и представители других направлений сотрудничают с иностранными коллегами, делятся своими идеями и достижениями. В области лингвистики представители научного круга ставят определенные задачи для достижения единой цели. Например, при переводе художественных произведений используются результаты исследований теории перевода, сопоставительного языкознания, типологии. Иногда, для точной передачи идеи, нам приходится прибегать и к детальному рассмотрению отдельных грамматических категорий [6, 251-255]. Проблемы сопоставительного и сравнительного исследования языков привлекали внимание многих лингвистов и нашли свое отражение в трудах таких видных ученых, как В.В. Гуревич (2003), Curme G.O. (1931), Аксененко Б.Н. (1956), Jespersen O. (1958), Смирницкий А.И. (1959), Гуткина, М.А. (1967), Ильиш Б.А. (1968), Каушанская В.Л. (1973), Виноградов В.В. (1986), Рябова М.Ю. (1993), Иванова, И.П. (1999), Блох, М.Я. (2004), Аракин, В.Д. (2005), Хисамова В.Н. (2005), Хамзина С.Г. (1964). Универсалии и уникалии изучаемых языков дают возможность лингвистам, работающим в области исследования одного языка, учитывать достижения и результаты исследования лингвистов, изучающих язык другого народа. В грамматическом аспекте наиболее ярко проявляются типологические сходства, в функционировании глагола в исследуемых языках. Глагол – самая богатая и сложная часть речи. Что касается типологических сходств, то нужно отметить многоступенчатую временную систему изъявительного наклонения исследуемых языков, а также синтетические и аналитические образования, выражающие различные грамматические категории, отсутствие бинарной грамматической категории вида, разветвленная система выражения аспектуальных значений и т.д. Также много общего наблюдается и в специфике функционирования неличных форм глагола таких, как причастие (сыйфат фигыль), деепричастие (хэл фигыль), имя действия (исем фигыль) в татарском, и причастие (Participle), герундий (the Gerund) и инфинитив (the Infinitive) в английском языках [8, С. 93-98]. Как известно, причастие — это неличная форма глагола, которая выражает признак предмета по его действию [5; p.158]. Остановимся подробнее на описании

синтаксических функций причастий в английском и татарском языках.

В синтаксическом плане причастия исследуемых нами языков обладают различными функциями. Одной из функций причастия в предложении является функция определения:

I hated the hollow sound of the rain **pattering on the roof**. (Du Maurier) — Мне был отвратителен глухой шум дождя, **стучавшего по крыше**.

Гөлшаһидә **уқыган** китабын читкә алып куйды. (Г. Әбсәләмов) — Гульшахида убрала в сторону **прочитанную** книгу.

В рассматриваемых примерах причастия *pattering* и *уқыган* являются определениями к существительным **rain, китабын**.

Причастие английского языка в функции определения может стоять в предложении перед определяемым им именем существительным или после него. В отличие от причастий английского языка, в татарском языке причастия употребляются только в препозиции:

The gate-keeper surveyed the **retreating** vehicle. (Hardy) — Привратник всматривался в **удалявшийся** экипаж.

Through the massive sunlight **illuminating the hall at Robin Hill**, the July sunlight at five o'clock fell just where the broad staircase turned. (Galsworthy) — Сквозь массивную стеклянную крышу, **освещавшую** холл в Робин Хилле, лучи июльского солнца в пять часов падали как раз на поворот широкой лестницы.

Ah, минем **сайрап** жирем урман иде... - Ах, мне любо петь только в лесу...

Күп **торганнан** сорама, күп **күргәннән** сора. (Пословица) — Спроси не у того, кто долго жил, а у того, кто многое пережил.

Следует обратить внимание на то, что причастие прошедшего времени татарского языка на -ган может употребляться без определяемого слова, т.е. подвергается контекстуальной субстантивации [4]. В данном примере причастие на -ган в предложении выступает в функции подлежащего.

Причастие и в английском и в татарском языках может выполнять функции различных обстоятельств:

а) обстоятельства времени:

Approaching Malta Street, Soho, Soames thought with wonder of those years in Brighton. (Galsworthy) — Приближаясь к Мальта Стрит в Сохо, Сомс с удивлением думал о годах, проведенных в Брайтоне.

Якуб **барачак** өяз шәһәре ақлар кулына эләкте. (И. Гази) — Уездный город, куда должен был поехать Якуб, попал в руки белых.

Тимербулат сумкасына хатны санап **салганда**, бик еш кына күзе төшә шул конвертка һаман да. (М. Жәлил) — Когда Тимербулат считает письма, его взгляд часто привлекает один конверт.

В первом примере причастие I английского языка указывает на одновременность описываемого причастием действия с действием глагола-сказуемого. Во втором примере причастие будущего времени татарского языка *барачак* указывает на действие, которое должно было совершиться позднее действия глагола-сказуемого. В третьем примере причастие прошедшего времени *салганда*, принимая падежное окончание, выступает в функции имени действия и указывает на одновременность действия с действием сказуемого.

б) обстоятельства образа действия или способа действия:

She balanced herself on the curbstone and began to walk carefully, **setting heel to toe, heel to toe, and counting her steps**. (Heym) — Она встала на край тротуара и осторожно пошла вперед, переступая с пятки на носок и считая свои шаги.

Ипи **кисә торган** пычак. - Нож, которым режут хлеб.

В первом примере причастия характеризуют образ совершаемого действия, в то время как во втором примере причастие указывает на способ, либо орудие действия, что наиболее характерно для татарского языка.

Причастие английского языка может выполнять функции именной части сказуемого или второй части составного глагольного сказуемого в предложениях, содержащих субъектный

причастный оборот:

Every door was **locked**, so that it was impossible to leave the building. (*J. K.*) - Все двери были заперты на ключ, что делало невозможным покинуть здание.

Причастие прошедшего времени татарского языка с предикативными словами *бар*, *юк* могут находиться в составе сказуемого повествовательного предложения:

Кыя таулар күкрәгенә **менгәнем бар**, кузгалаклы болыннарда **йөргәнем бар**. (*Г. Афзал*) — Я поднимался на скалистые горы, бродил по лугам, заросшим щавелью.

Менә атнага якын инде аларның **очрашканнары юк**. (*Ф. Хәсни*) — Уже неделя, как они не встречались[7].

В отличие от татарского языка, причастие в английском языке в предложении выполняет функции обстоятельства причины и обстоятельства условия:

Having been a little in that line myself, I understood it. (*Shaw*) — Проработав в этой сфере некоторое время, я понимал это.

He has been in three revolutions **fighting on the barricades**. (*Shaw*) — Он принимал участие в трех революциях, сражаясь на баррикадах.

Кроме вышеперечисленных синтаксических функций, субстантивированные причастия татарского языка способны выступать в роли подлежащего:

Шул тирәдә **утырганнар** иң элек картка, аннары теге егеткә карап алдылар. (*Ф. Хәсни*) — Сидящие неподалеку посмотрели сначала на старика, потом на того парня.

Причастия татарского языка также выступают в роли обстоятельства места:

Фукс бакчасына **бара торган сукмак** Гөлшәһидгә нидер хәтерләтә иде. (*Г. Әбсәләмов*) — Тропинка, ведущая к саду Фукса, что-то напоминала Гульшахиде.

Таким образом, как в английском, так и в татарском языках имеется богатейшая система неличных форм глагола, активно участвующих в образовании сложных глагольных форм. Глагольные части речи, а именно причастия, исследуемых языков неисчерпаемо богаты и дальнейшее их изучение наиболее важно не только для сопоставительного языкознания, но и для переводоведения, преподавания английского языка в татарских школах, а также татарского языка для иностранных студентов.

Список литературы

1. *Гузеева К.А.* Причастие. Грамматика английского языка / *The Participle. English Grammar*. Серия: Специальная литература по иностранным языкам. - СПб.: Союз, - 2008. - 224 с.
2. *Гуревич В.В.* Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие. / В.В. Гуревич. - М.: Флинта: Наука, 2003. - 168 с.
3. *Долгополова Л.А.* Неличные формы глагола в современных германских и славянских языках. / Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24(63). – № 4. Часть 2.–С.12-16.
4. *Закиев М.З.* Татарская грамматика: Синтаксис, Том 3.-Казань Татарское Книжное Издат., 1992 с. 487
5. *Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л., Кожевникова О.Н.* и др. Грамматика английского языка, 1973. –323 с.
6. *Мотыгуллина З.А., Муллағалиев Н.К.* Выражение реальной модальности на материале произведения Джерома Селинджера «THE CATCHER IN THE RYE» и его перевода на татарский язык / Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 4 (26) – С.251-255.
7. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 284 с.
8. *Хисамова Ф.М.* Татар теле морфологиясе, Kazan, Издат. «Магариф», 2006. – 335 с.
9. *Хисамова В.Н.* Некоторые типологические особенности английского и татарского языков. / Журнал «Филология и культура. Philology and Culture» – №5 – С. 93-98
10. *Curme G.A.* Grammar of the English Language in Three volumes. Parts of Speech and Accidence (v.II). - Boston - New York, Chicago, 1935. - 370 p.

10.02.05

Т.И. Колабинова канд.филол.наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра романской филологии,
Казань, tatianakolabinova@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРОСТРАНСТВО» В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА МАРИО БЕНЕДЕТТИ “EL OTRO YO” («ДРУГОЙ Я»)

В работе рассматривается индивидуально-авторская репрезентация лингвокультурной доминанты «пространство» в рассказе уругвайского писателя Марио Бенедетти “El Otro Yo” («Другой я»). Автор проводит лингвистический анализ исследуемой категории. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что наиболее яркой характеристикой категории «пространство» в рассматриваемом рассказе является дихотомия свое/чужое пространство.

Ключевые слова: *испанистика, языковая картина мира, пространство, категория.*

Как мы писали ранее, в силу доминантного характера категории «пространство» ее описание никогда не теряет своей актуальности [4; С. 107], поскольку, по справедливому утверждению Е. С. Кубряковой, «понятия пространства и субстанции (предмета, материи) входят в число главных категорий бытия» [5; С. 83]. И хотя, как говорит в своей работе Н. Ю. Зубова, «проблемами изучения пространства и времени человеческая мысль занята еще с древних времен» [3; С. 55], нельзя назвать эти категории полностью изученными. Вышесказанное демонстрирует актуальность предложенного исследования.

Научная новизна исследования состоит в выборе в качестве материала исследования индивидуально-авторской репрезентации рассматриваемой категории в рамках художественного произведения. Литературные произведения представляют собой интересный и надежный материал для исследования лингвокультуры в целом, поскольку при выявлении общих характеристик рассматриваемой категории в большом количестве произведений различных авторов можно создать объективную ее модель для такой лингвокультуры.

Как справедливо замечают К. Годдард и А. Вержбицкая, то, что читатель видит на странице – это не слова, а закодированные символы, на основании которых обладающий надлежащим умением человек может вызвать в своем сознании настоящие слова, произнесенные вслух или в воображении [2; С. 5]. Сами же эти слова для представителей разных лингвокультур наполнены разным смыслом, как это успешно демонстрируют исследования концептологов.

Цель нашей работы состоит в выявлении ключевых характеристик индивидуально-авторской репрезентации категории «пространство» в испанском языке на материале изучаемого рассказа.

Короткий рассказ Марио Бенедетти “El Otro Yo” («Другой я») повествует о раздвоении личности главного героя, Армандо, с позиции одной из этих личностей, которая недовольна ограничениями, накладываемыми на ее существование другой личностью. В результате внутреннего конфликта эта вторая личность кончает жизнь самоубийством, исчезнув таким образом из мира первой. Оправившись после перенесенного шока, первая личность понимает преимущества своего положения – она получает свободу. Но оказывается, что для окружающих эта вторая личность теперь невидима – со смертью первой прекратил существование человек целиком.

Прямого описания пространства как такового в рассказе очень мало: **llegó cansado del trabajo** (*пришел с работы уставший* – здесь и далее перевод наш); **salió a la calle** (*вышел на улицу*); **Desde lejos vio que se acercaban sus amigos** (*Издали увидел, что к нему приближаются его друзья*); **cuando pasaron junto a él** (*когда они прошли рядом с ним*) [1]. В данных примерах проявляется, во-первых, существование в жизни героя как минимум трех важных для него мест: дома, куда он возвращается, работы, откуда он приходит, и улицы – не просто переходного этапа, но и места встречи с друзьями. Во-вторых, здесь же мы видим изменение пространственных отношений в динамике – положение героев в пространстве по отношению друг к другу играет важную роль.

Однако для данного рассказа наиболее важно не противопоставление дома, работы и улицы и даже не то, что друзья героя проходят мимо него, как мимо пустого места: **cuando pasaron junto a él, ellos no notaron su presencia** (*когда они прошли рядом с ним, то не заметили его присутствия*) [1]. Самое интересное и необычное в этом рассказе – это возможность увидеть тело человека как некое пространство, на которое он, как предполагается, имеет полное и неоспоримое право владения, ни с кем его не деля. По мнению Армандо, он имеет право делать со своим телом все, что захочет: **en los pantalones se le formaban rodilleras** (*у него на брюках растягивались колени*); **se metía los dedos a la nariz** (*он ковырял пальцем в носу*) [1]. Нет никаких сомнений, что Армандо знает, как некрасиво выглядит со стороны и то и другое. Однако ходить в брюках с вытянутыми коленями и ковыряться в носу ему комфортно, и, как минимум, оставаясь наедине с самим собой, он считает свое право на это неоспоримым.

Точно так же, придя домой, человек может расслабиться и забыть об условностях и ограничениях внешнего мира, что и делает Армандо: **se quitó los zapatos, movió lentamente los dedos de los pies y encendió la radio** (*он снял ботинки, медленно пошевелил пальцами ног и включил радио*) [1]. В данном примере мы видим демонстрацию комфорта, которую дарит герою чувство нахождения в «своем пространстве» – его собственном доме.

И вот в пространство еще более личное, чем дом, – собственное тело Армандо, врывается тот, кого автор назвал Другой и из-за кого **Armando no podía ser tan vulgar como era su deseo** (*Армандо не мог вести себя так просто, как ему хотелось*) [1]. Этот Другой, по большому счету, гораздо более симпатичен для читателя, чем Армандо: **usaba cierta poesía en la mirada** (*в его взгляде была вида поэзия*); **se enamoraba de las actrices** (*он влюблялся в актрис*); **mentía cautelosamente** (*врал он осмотрительно*); **se emocionaba en los atardeceres** (*по вечерам им овладевали эмоции*) [1].

Но Армандо недоволен присутствием Другого: **Al muchacho le preocupaba mucho su Otro Yo** (*Парню очень мешал его Другой я*) [1]. И в один из моментов, когда Другой проявляет недовольство поведением Армандо, тот сначала испытывает замешательство, а потом гнев: **En el primer momento, el muchacho no supo qué hacer, pero después se rehizo e insultó concienzudamente al Otro Yo** (*В первый момент парень не знал, что ему делать, но затем набрался сил и основательно оскорбил Другого*) [1]. Подумав, что обрел свободу и теперь сможет вести себя так, как ему вздумается, Армандо радуется: **Eso le lleno de felicidad e inmediatamente estalló en risotadas** (*Это наполнило его счастьем, и он тут же захохотал*) [1].

Указанные эмоциональные состояния важны для характеристики пространства в рамках рассказа: главный герой делит его на свое и чужое, считает свое право владения «своим» пространством неоспоримым и крайне недоволен, когда эту свободу владения каким-то образом ограничивают.

Квантификация внешнего пространства осуществляется в рассказе преимущественно при помощи предлогов: **del trabajo** (*с работы*); **a la calle** (*на улицу*); **Desde lejos** (*Издали*); **junto a él** (*рядом с ним*) [1]. Один раз встречается квантификация при помощи глагола **se acercaban sus amigos** (*приближались его друзья*).

Внутреннее же пространство, как мы уже сказали, характеризуется через эмоции главного героя, показывающие, как ревностно тот относится к соблюдению границ его личного пространства.

Таким образом, на основании произведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Квантификация пространства осуществляется в рассказе преимущественно при помощи предлогов.

2. Эмоциональное состояние главного героя служит маркером вторжения в его личное пространство (собственное тело).

3. Наиболее значимой характеристикой пространства в данном рассказе является дихотомия свое/чужое пространство.

Это разделение пространства на свое, где человек чувствует себя хозяином, и чужое, где он допускает ограничения своей свободы, представляется яркой чертой описания пространства в целом, как для испаноязычного дискурса, так и для других лингвокультур, что уже отмечалось нами в других случаях, например, [4], и мы планируем продолжить изучение реализации категории «пространство» на материале литературных произведений.

Список литературы

1. *Benedetti M.* El Otro Yo [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ciudadseva.com/texto/el-otro-yo>.
2. *Goddard C., Wierzbicka A.* Words and meanings. Lexical semantics across domains, languages and cultures. – N-Y.: OUP Oxford, 2014. – 320 p.
3. *Зубова Н.Ю.* Пространство как концепт и как категория // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2011. – №3. – С. 51–57.
4. *Колабинова Т.И.* Категория пространство в рассказе Х. Кортасара «Непрерывность парков» и его переводах // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – Казань: издательство Казанского университета, 2013. – Том 155, книга 5. – С. 107–114.
5. *Кубрякова Е.С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Язык русской культуры, 2000. – С. 84–92.

10.02.00

А.А. Мамедов, А.В. Оленикова

Иркутский государственный университет,
факультет филологии и журналистики,
кафедра русского языка и общего языкознания,
Иркутск, achmedved@inbox.ru, tradaladei@gmail.com

КОНСТРУКЦИИ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ СРАВНЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ С. ЕСЕНИНА И В. МАЯКОВСКОГО)

В работе представлены результаты исследования и сопоставления конструкций с творительным сравнения и творительным метаморфозы в космогонических поэмах С. Есенина и предреволюционных поэмах В. Маяковского «Война и мир» и «Человек».

Ключевые слова: *С. Есенин, В. Маяковский, творительный падеж, сравнение, метаморфоза, метафора.*

Антропоцентрическая научная парадигма, сложившаяся на рубеже XX и XXI веков и ставшая ключевой в современной лингвистике, обращает внимание исследователей на язык как на средство доступа к сознанию говорящего на нем человека. В рамках данной парадигмы становится актуальным изучение единиц языка и речи, в основе которого лежит представление о языке как об открытой системе, на использование которой влияют процессы концептуализации [8, с. 19]. Среди средств концептуализации действительности особое место занимает метафора.

С точки зрения когнитивной лингвистики метафора предстает не только как языковой феномен, но прежде всего как феномен мышления и культуры: устанавливая связи между различными понятийными областями, человек объясняет для себя мир. Метафорическое моделирование вторичной реальности художественного мира, развертывающееся в литературных произведениях, систематически запечатлевает особенности художественного мировидения использующего данное средство автора, сложившиеся как под влиянием общей языковой картины мира, так и на основе индивидуального опыта познания.

В качестве одной из основных логических операций, обеспечивающих процесс познания, выступает сравнение, которое кроме того (как троп) участвует в создании художественной выразительности. Новизна данного исследования, проведенного с целью выявления и сопоставления особенностей поэтического мировидения двух ключевых поэтов первой трети XX века, состоит в том, что впервые для решения подобной цели в качестве объекта исследования выбран оборот *творительный сравнения*. Компаративная конструкция, представляющая сравнение-троп, включает в себя субъект сравнения (то, что сравнивают), объект сравнения (то, с чем сравнивают) и признак сравнения [7] и может быть оформлена с помощью различных показателей: в виде союзной конструкции; с использованием слов со значением подобия; в виде словосочетаний, в которых объект сравнения употреблен в творительном или в родительном падеже. При этом большинство исследователей не отмечают семантических особенностей, которые бы существенно выделяли использование того или иного показателя сравнения [4, 6]. Однако в тех работах, в которых творительный падеж становился основным объектом исследования, встречается указание на семантическую и даже генетическую связь творительного сравнения и творительного метаморфозы [3, 9]. Творительный превращения, встречающийся в древних текстах и отражающий мифологические представления (*коли Игорь соколом полетъ, тогда Влурь влькомъ потече* («Слово о полку Игореве»)), стал основой для возникшего позже творительного сравнения. В тоже время В. В. Виноградов, исследуя произведения Анны Ахматовой, выделяет конструкции с творительным превращения и приходит к выводу, что в них проявляется особый способ восприятия мира [1]. А. А. Зализняк, рассматривая группу

значений творительного падежа, касающихся отношений тождества и подобия, характеризует те же конструкции как смешивающие тождество и подобие и репрезентирующие отголоски мифологического мышления. В случае сравнения падеж служит показателем временного подобия, подразумевающего отсутствие тождества, в случае метаморфозы стирается противопоставление между подобием и тождеством. Субъект и объект сравнения похожи: *Она **птицей** взвилась на седло* (И. С. Тургенев, «Вешние воды»). Субъект и результат метаморфозы похожи и в какой-то мере тождественны: *Еще недавно **ласточкой** свободной // Сверхала ты свой утренний полет* (А. Ахматова, «Anno Domini») [3].

В маленьких поэмах С. Есенина и поэмах «Война и мир» и «Человек» В. Маяковского были найдены и рассмотрены все употребления творительного сравнения и близкого к нему по значению творительного метаморфозы. Особое внимание при установлении значимых связей между понятийными областями было уделено контексту, т. к. метафоричность тропа в полной мере проявляется в пределах метафорической рамки. Сопоставление рассмотренных выше конструкций в поэмах, принадлежащих двум разным и иногда противопоставляемым авторам, но все же созданных в одно время и объединенных схожей тематикой, позволило обнаружить сходства и различия, значимые как для понимания творчества С. Есенина и В. Маяковского, так и для изучения литературы соответствующего периода в целом.

И С. Есенина, и В. Маяковского волнует необходимость изменения мира, переживающего кризис, однако, описывая преобразование мира, поэты по-разному видят источник энергии, необходимой для этого преобразования. С. Есенин связывает энергию и духовное начало с небом и благодатью, материализующейся в человеке и природных явлениях вокруг него, не отказывая, впрочем, и человеку в роли демиурга. Основной из задействованных в конструкциях с творительным сравнением и творительным метаморфозы понятийных областей является область НЕБО, включающая в себя как понятия о материальных явлениях (астрономических телах, атмосферных явлениях), так и понятия о нематериальных явлениях, связанные с представлениями о божественном и духовном. Слова, обозначающие понятия, входящие в названную сферу, выполняют в рассматриваемых конструкциях все возможные роли (субъект сравнения, объект сравнения, субъект превращения, результат превращения), следовательно, понятийная область НЕБО служит как областью-источником, так и областью-мишенью метафорического моделирования мира «маленьких» поэм. Небесные проявления у С. Есенина связываются со звуком: с пением людей и птиц, с пением, доносящимся с неба: «С утра над осенницею / Я слышу **зов** трубы. / **Теленькает синицею** / Он про глагол судьбы...» («Преобразование») [2].

В. Маяковский описывает энергию как исходящую из сердца, т. е. зарождающуюся внутри человека и выходящую наружу. Энергия и духовное начало у В. Маяковского связывается со светом и с любовью: «Это я / **сердцефлагом** поднял. / Небывалое чудо двадцатого века!»; «**Петлей** на шею **луч** накинь! / Сплетусь в палящем лете я! / Гремят на мне / наручники, / любви тысячелетия...» («Человек») [5].

Представление об источнике энергии отражается в использовании творительного метаморфозы, в то время как у С. Есенина конструкции с творительным метаморфозы отражают материализацию духовного. При этом доля конструкций с творительным метаморфозы уменьшается к концу цикла, что, возможно, означает постепенную утрату мотива божественной энергии. У В. Маяковского использование этой конструкции связано с крайними проявлениями чувств лирического субъекта, материализацией внутреннего состояния; ср.: «Да здравствует революция / На земле и на небесах! / **Души** бросаем **бомбами**, / Сеем пурговый свист» («Небесный барабанщик») [2]; «**Растерзанной тенью**, / большой, косматый, / несусь по стене, луной облитый» («Человек») [5].

В конструкциях авторы используют слова одних и тех же тематических групп, а иногда даже одинаковые образы. И в поэме «Инония» С. Есенина, и у В. Маяковского в «Человеке» есть конструкции с творительным метаморфозы, в которых лирический герой превращается в комету; ср.: «Говорю вам – весь воздух выпью / И **кометой** вытяну язык. / До Египта

раскорячу ноги, / Раскую с вас подковы мук...» («Инония») [2]; «То перекинусь радугой, / то хвост завью **кометою**. / Чего пошел играть дугой? / Какую жуть в кайме таю?» («Человек») [5].

Такое совпадение можно объяснить желанием авторов наделять своих лирических героев энергией и сделать их как демиургов соразмерными макрокосму.

У обоих поэтов в текстах встречается образ свечи как предмета религиозного культа, интерпретируемый по-разному. Если у С. Есенина он связывается с небесной благодатью и церковным обрядом, то у В. Маяковского свеча представлена в виде огарка, что должно символизировать исчерпанность христианства как источника духовной жизни; ср.: «И тихо под шепот речки, / Прибрежному эху в подол, / **Каплями незримой свечки** / Капает песня с гор...» («Инония») [2]; ««Над домом висит!» / Над домом вишу. / Церковь в закате. / Крест **огарком**» («Человек») [5].

Обоих авторов отличает неоднозначное отношение к христианству. У С. Есенина христианство становится пантеистическим: совмещаются и перекликаются собственно христианские образы, фольклорное осмысление библейских сюжетов и языческие представления об устройстве мира: «Древняя тень Маврикийи / Родственна нашим холмам, / **Дождиком** в нивы златые / Нас посетил **Авраам**» («Иорданская голубица») [2].

В. Маяковский выражает скептическое отношение к христианству и религии в целом, однако использует христианские образы для характеристики лирического субъекта и обновленного мира. Оба поэта описывают изменения в мире через соотнесение с библейскими событиями, наделяя происходящее сакральным значением: «В небе моего Вифлеема / никаких не горело знаков, / никто не мешал / **могилами** / спать **кудроголовым волхвам**» («Человек») [5].

Еще один образ, встречающийся в текстах обоих авторов – волна, связываемая с боем. У С. Есенина образ волны, стремящейся к берегу нового мира, несет надежду: «Волны белыми когтями / Золотой скребут песок. / Скоро, скоро **вал последний** / **Миллионом** брызнет **лун**» («Небесный барабанщик») [2].

У В. Маяковского в свою очередь волны становятся волнами крови в мире, охваченном несущей всеобщую гибель войной: «Секунды быстрились и быстрились / взрывали, / ревели, / рвали. / **Пеной** выстрел на выстрела / огнел в кровавом вале» («Война и мир») [5].

В поэмах С. Есенина упоминается незримое, связываемое с божественными проявлениями; в поэме В. Маяковского «Человек» как невидимый описан закон мироздания, управляющий людьми и проявляющий себя в ипостасях идеи, религии, порока или культа материальных ценностей: «Их тот же лысый / невидимый водит, / главный танцмейстер земного канкана. / То в виде идеи, / то черта вроде, / то **богом** сияет, за облако канув» («Человек») [5].

Борьба за новый мир у С. Есенина почти нематериальна, в то время как война, описанная В. Маяковским, представлена натуралистически и является результатом духовного кризиса.

Наконец, кризисное состояние мира заставляет поэтов сосредоточить свое внимание на разных этапах преображения. В фокусе внимания С. Есенина находится изменение мира и новая действительность, исполненная благодати. В. Маяковский описывает пребывание лирического героя в старом мире, его поэмы приобретают сатирическую направленность, и в то же время в поэме «Война и мир» представлено эпическое преображение мира.

В заключение хочется отметить, что избранный нами метод может применяться и при исследовании идиостилей других авторов, как автономно, так и в аспекте их сопоставления с идиостилем авторов проанализированных поэм. В качестве литературного материала могут быть использованы как произведения разных авторов, так и произведения одного автора, относящиеся к разным периодам его творчества, объединенные общей тематикой. Описание идиостиля с применением теории когнитивной метафоры требует анализа как можно большего количества средств создания художественной выразительности, имеющих с метафорой общую когнитивную природу. Объектом подобного анализа могут послужить сравнительные конструкции с иным формальным показателем сравнения и другие тропы.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Поэтика русской литературы. Избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 369-508.
2. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/esenin/default.asp?feb/esenin/texts/es0.html> (дата обращения 30.01.2018 г.).
3. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 360-376.
4. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1966. С. 280-281.
5. *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912—1917 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp?feb/mayakovsky/critics/m65/m65.html> (дата обращения 01.02.2018 г.).
6. *Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 391-392, 721-724.
7. *Некрасова Е.А.* Сравнения в стихотворных текстах: (А. Блок, Б. Пастернак, С. Есенин) // Языковые процессы в современной русской поэзии. М.: Наука, 1982. С. 5-188.
8. *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 6-50.
9. *Ходова К.И.* Творительный превращения и сравнения // Творительный падеж в славянских языках. под ред. С. Н. Бернштейна. М.: Издательство АН СССР. 1958. С. 181–192.

10.02.00

О.Ш. Назаров

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет, кафедра общего и русского языкознания,
Москва, orif_01@mail.ru

ВАРИАНТНОСТЬ МОДЕЛИ ЖАНРОВ ПОСТАНОВЛЕНИЯ И ПРИГОВОРА СУДА: ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

В статье дается обзор модели жанров вводной части постановления и приговора, исследуется и описывается вариантность их клишированной части.

Ключевые слова: *жанр, постановление, приговор, вводная часть, вариантность.*

Приговор суда – это важнейший акт правосудия. Согласно п. 28 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации приговор – это решение о невиновности или виновности подсудимого и назначения ему наказания, либо освобождение его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции [4: 7]. В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило находим следующее определение: «Приговор – это жанр официально-делового стиля, относящийся к юрисдикционному подстилю, документ, нацеленный на то, чтобы зафиксировать решение, вынесенное в судебном заседании по вопросу виновности подсудимого (*обвинительный приговор*) или его невиновности (*оправдательный приговор*), а также о применении или неприменении к нему определённого наказания» [2: 278].

Жанры постановления и приговора по классификации М.М. Бахтина относятся к вторичным жанрам [1: 430]. Судебная речь существует в устной и письменной форме. Жанры постановления и приговора имеют письменную основу, но оглашаются в открытом судебном заседании, т.е. в сущности они являются устно-письменными. Это подтверждает тот факт, что некоторые их части не подлежат оглашению. В случае рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании (в соответствии со ст. 241 УПК РФ) на основании определения и постановления суда могут оглашаться только вводная и резолютивная часть приговора.

Приговор и постановление суда относятся к юрисдикционному подстилю официально-делового стиля. В своей монографии В. И. Провоторов говорит, что «каждый вид официально-делового документа имеет свою довольно строгую архитектурно-композиционную форму, которая вырабатывалась в течение длительного существования официально-делового стиля и которая соблюдается всеми участниками данной сферы общения» [3: 78]. Жанры постановления и приговора соответствуют данному признаку. Они имеют стандартную структуру, содержат обязательный репертуар первичных жанров и типичные для письменной формы их реализации клишированные конструкции. Тем не менее эти жанры обнаруживают вариантность в разных частях.

В данном исследовании нами предпринята попытка выявить вариантность в самой стабильной - вводной части - постановления и приговора суда. В основу нашего исследования легли более 60 текстов приговоров и различных постановлений суда.

Согласно УПК РФ тексты приговора и постановления суда должны состоять из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной части. Все эти части самостоятельны, и каждая из них освещает определённый и законченный круг вопросов.

Вводная часть предполагает жанровые и текстовые стандарты, которые тем не менее варьируются в некоторых в своих частях. Наши материалы показывают, что в качестве обязательной части указывается наименование официального документа (постановление или приговор, если приговор, то указывается, что он вынесен именем Российской Федерации: ПРИГОВОР ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ); время и место (город Москва, «07» июня 2017 года), наименование суда, вынесшего то или иное решение, состав суда, данные о

секретаре судебного заседания, об обвинителе, о защитнике, потерпевшем, гражданском истце, гражданском ответчике и об их представителях, фамилия, имя и отчество подсудимого, дата и место его рождения, место жительства, место работы, род занятий, семейное положение и иные данные о личности подсудимого, имеющие значения для уголовного дела, ссылку на статью уголовного закона, в нарушении которого обвиняется подсудимый.

Этот жанровый стандарт в составе вводной части варьируется по степени полноты, точности и конвенциональности текстовой реализации, отражая степень проявления речевой свободы и возможности проявления речевой манеры судьи. Рассмотрим данные утверждения на примерах.

I. Вербальные репрезентации первичных жанров вводной части содержат варианты наименования суда: 1) *Бутырский районный суд г. Москвы в лице председательствующего федерального судьи Н.* (суд ... в лице судьи Н.); 2) *Кузьминский районный суд г. Москвы в составе председательствующего судьи Н.*; (суд... в составе председательствующего судьи Н.); 3) *Судья Бабушкинского районного суда г. Москвы Н.*; (судья ...суда); 4) *Савёловский районный суд г. Москвы в составе председательствующего судьи Н., единолично...*; (суд...в составе председательствующего судьи Н. единолично); 5) *Суд, в составе судьи Замоскворецкого районного суда г. Москвы Н.* (Суд ... в составе судьи).

Прагматической составляющей этой репрезентации является через обозначение места (первое) подчеркивание более высокого процессуального статуса судьи (*судья при обвинителе, защитнике и т.д.*).

II. Первичный речевой жанр обозначения секретаря судебного заседания тоже в своей текстовой репрезентации содержит 4 варианта, фиксирующих факт его присутствия и процессуальный статус (*при секретаре, при участии секретаря, с участием*) или его функцию (*при ведении протокола секретарем Н.*): 1) *Перовский районный суд г. Москвы в составе председательствующего судьи Н., при секретаре ...*; 2) *Пресненский районный суд г. Москвы в составе председательствующего судьи Н., при секретаре судебного заседания...*; 3) *Судья Московского областного суда Н., ..., при ведении протокола судебного заседания секретарём Н.*; 4) *Судья Московского областного суда Н., с участием ... секретаря Н.*

III. Конструкции, репрезентирующие факт участия в суде стороны обвинения, обнаруживают значительную вариантность, отражающую и присутствие в суде стороны обвинения, и полноту представления официального лица/лиц, и стилистическое качество этого представления, и само количество обвинителей: 1) *... с участием: государственного обвинителя в лице помощника Бутырского межрайонного прокурора г. Москвы Н.*; 2) *... с участием государственного обвинителя – помощника Нагатинского прокурора г. Москвы Н.*; 3) *... с участием: помощника Кузьминского межрайонного прокурора гор. Москвы Н.*; 4) *... с участием государственного обвинителя Таганской межрайонной прокуратуры г. Москвы Н.*; 5) *... с участием государственного обвинителя Н.*; 6) *... с участием прокурора Н.*; 7) *... с участием: государственных обвинителей: прокуроров отдела прокуратуры Московской области Н. и Н.*

IV. Конструкции, репрезентирующие первичные жанры обозначения защитника, наиболее вариантны. Это связано прежде всего с тем, что закон допускает участие в качестве защитников не только профессиональных адвокатов, но и других лиц, в том числе и самих обвиняемых. Это обстоятельство должно было бы отразиться на исчерпывающей полноте и смысловой точности обозначения защитника, включая момент удостоверения личности. Примеры же демонстрируют определенный диапазон полноты информации, динамику ее стилистического качества, лексическое и синтаксическое разнообразие: 1) *... его защитника в лице адвоката Н., представившего удостоверение №, выданное ГУ МЮ РФ по г. Москве 12.05.2014г., регистрационный номер в реестре адвокатов по г. Москве 00/00 и ордер № от 09 июня 2016 года, выданный КА г. Москвы «Курганов и партнеры»;* 2) *... защитника – адвоката Н., представившего удостоверение № от 26.02.2003 и ордер № от 27 апреля 2016, выданный Коллегией адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»*

адвокатская контора «Бутырская» №23; 3) ... защитника в лице адвоката Н., предоставившей служебное удостоверение №, ордер №, выданный АК №7 КА «МГКА»; 4) ... защитника в лице адвоката Н., представившего служебное удостоверение № и ордер за № от 01 апреля 2016 года; 5) ... защитника в лице адвоката Н.; 6) ... его адвоката Н., представившего удостоверение № и ордер № от 27 декабря 2017 года; 7) ... их защитников адвокатов Н. и Н., представивших удостоверение и ордер; 8) ... защитника – адвоката Н.; 9) ... защитника Н.; 10) ... адвоката Н.

V. Конструкции обозначения потерпевшего и/ или его представителя варианты по содержанию (сам потерпевший или его представители), по полноте представления и по стилистическому качеству (*представителей в лице, законного представителя*): 1) ... с участием ... потерпевшего; 2) ... представителя потерпевшей в лице адвоката Н., представившего удостоверение №, выданное ГУ МЮ РФ по г. Москве 21.05.2003 года, регистрационный номер в реестре адвокатов по г. Москве 00/00 и ордер № от 07 июня 2016 года, выданный МКА №; 3) ... представителей потерпевших в лице адвокатов Н. и Н.; 4) ... также с участием представителя потерпевшего Н.; 5) ... с участием ... законного представителя потерпевшей.

Вариантным по содержанию и представленности в тексте является первичный речевой жанр обозначения переводчика.

VI. Конструкции анкетных данных подсудимого.

В обязательной части должна содержаться фамилия, имя и отчество подсудимого полностью, дата и место его рождения, место жительства, место работы, род занятий, образование, семейное положение и иные данные о личности подсудимого, имеющие значение для уголовного дела. В данной части тоже наблюдаются речевые варианты указания его образования, например: *имеющий среднее образование, с высшим образованием, образование среднее*. Есть варианты указания семейного положения обвиняемого, например: *... женатого, состоящего в браке, в официальном браке не состоящего*. В некоторых постановлениях семейное положение не указывается вообще. Содержатся также варианты других данных о личности подсудимого, например: *ранее не судимого, не судимого*.

VII. Клишированная конструкция, содержащая ссылку на статью уголовного закона, в нарушение которой обвиняется подсудимый: *...обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 161 УК РФ*. Эта конструкция никогда не варьируется.

Наше исследование показало, что модели жанру вводной части приговора и постановления присущи следующие признаки: устойчивая типизированная структура с разными вариантами репрезентации, определённый диапазон стилевых черт, который принят в юридической сфере (от строго официального до нейтрального). В зависимости от авторского стиля в структуре судебных решений наблюдается вариантность изложения. Исследование вариантности жанров вводной части приговора и постановления позволяет нам выявить особенности языковой личности автора, судьи, по его смысловому и прагматическому представлению клишированных частей текста.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. // М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. – М.: «Художественная литература», 1986 г. с. 428-472.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
3. Провоторов В.И. Очерки по жанровой стилистике текста (на материале немецкого языка). – Курск: Изд-во РОСИ, 2001. – 140 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. – У26 Москва: Проспект, КноРус, 2016. -256 с.

10.02.19

А.В. Павлов

Образовательная автономная некоммерческая организация высшего образования
«Московский психолого-социальный университет»,
кафедра гуманитарных и естественно-научных дисциплин
Москва, pa-v-l-ov@yandex.ru

**ГРАММАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ОШИБКИ
В УСТНОМ ДИСКУРСЕ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

В статье представлены результаты психолингвистического исследования, раскрывающие основные грамматико-синтаксические тенденции устных спонтанных дискурсов вербальных детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) в сравнении с детьми типичного развития в возрасте 10–12 лет. Показаны отличия данного речевого уровня на примере употребления времен глагола, соотношения простых и сложных предложений, разных типов сложных предложений, а также подробно разобраны грамматические ошибки, допущенные участниками экспериментальной группы. Делается вывод, что по перечисленным аспектам нарративы детей с аутизмом имеют отличия от нарративов детей типичного развития, что позволяет применять полученные результаты при диагностике и коррекции заболевания.

Ключевые слова: аутизм, расстройство аутистического спектра, устный дискурс, грамматико-синтаксические стратегии, грамматические ошибки.

Отечественные и зарубежные исследователи конца XX - начала XXI в. в своих трудах, посвященных изучению расстройства аутистического спектра (далее – РАС) у детей [6, 8, 15, 17, 18], наибольшее внимание уделяют особенностям социального взаимодействия и воображения аутистов. Однако помимо данных проблемных вопросов существует еще один, находящийся под менее пристальным наблюдением специалистов, – коммуникация, которая составляет вместе с названными аспектами “триаду аутистических нарушений” [1, 16].

Проблема речепорождения детей с РАС освещена в немногочисленных работах [12, 14 и др.], где в качестве материала, позволяющего произвести наиболее объективный анализ языковых особенностей, использовался устный спонтанный дискурс. Анализ полученных нарративов позволил исследователям сделать выводы, что при разговоре дети с аутизмом употребляют неуместные интонации и используют неподходящие жесты, не адаптируют речь для разных собеседников и тем, применяют прагматические маркеры времени и места и др.

Тем не менее, данные результаты не позволяют построить цельный языковой портрет личности ребенка с РАС, что стало главной причиной для проведения психолингвистического эксперимента. Целью исследования являлось получение и анализ наиболее полных сведений о своеобразии всех уровней языковой системы школьников с аутизмом. Эксперимент был реализован на основе методик, описанных авторитетными психолингвистами [2, 7, 13]: экспериментальную группу составило 24 ребенка 10–12 лет с высокофункциональным аутизмом, контрольную группу – аналогичное количество детей того же возраста типичного развития. Языковым материалом эксперимента стали пересказы участников обеих групп видеоролика «О грушах» (The Pear Film) У. Чейфа. Над полученными спонтанными нарративами был произведен анализ по вышеупомянутым методикам, более обстоятельное описание лингвистического опыта и его результатов изложено в других статьях автора [9, 10, 11]. Данная статья посвящена одному из исследуемых аспектов речепорождения - грамматико-синтаксическим стратегиям и ошибкам в устном дискурсе детей с аутизмом, а именно выбору глагольных времен, соотношению простых и сложных предложений, а также грамматическим ошибкам, содержащимся в анализируемых нарративах.

К 10–12 годам дети овладевают нормами грамматического строя речи [3, 5], уровень коммуникативно-речевой деятельности позволяет разделять их устные нарративы на целостные конструкции, объединенные грамматико-синтаксическими средствами и языковыми нормами. Однако в ходе эксперимента было установлено, что дискурсы школьников с РАС построены согласно иным грамматико-синтаксическим стратегиям, в той или иной степени отличающимся от речевых стратегий детей с нормальным развитием.

Так, выбор определенных глагольных времен имеет большое значение для анализа особенностей исследуемого языкового уровня. Можно выделить 5 способов использования разных времен глагола при пересказе: 1) только прошедшее время; 2) только настоящее время; 3) прошедшее и настоящее времена в смешанном порядке; 4) сначала прошедшее время, затем настоящее (без учета интродуктивного предложения); 5) сначала настоящее время, затем прошедшее.

Метод выборки отдельных глагольных времен в расшифровках пересказов обеих групп позволил сделать определенные выводы: контрольная и экспериментальная группы при построении устных дискурсов практически одинаково использовали только прошедшее время (контрольная – 13 случаев, экспериментальная – 14); употребление только настоящего времени у детей с РАС не было зафиксировано, тогда как у детей типичного развития встретилось 2 случая данного способа. Также аутисты чаще использовали прошедшее и настоящее времена в смешанном порядке (6) и сначала прошедшее, затем настоящее время (2) в отличие от контрольной группы (3 и 1 соответственно). Однако школьники с типичным развитием вдвое чаще применяли сначала настоящее время, а затем прошедшее (4, экспериментальная группа – 2) (см. рисунок 1).

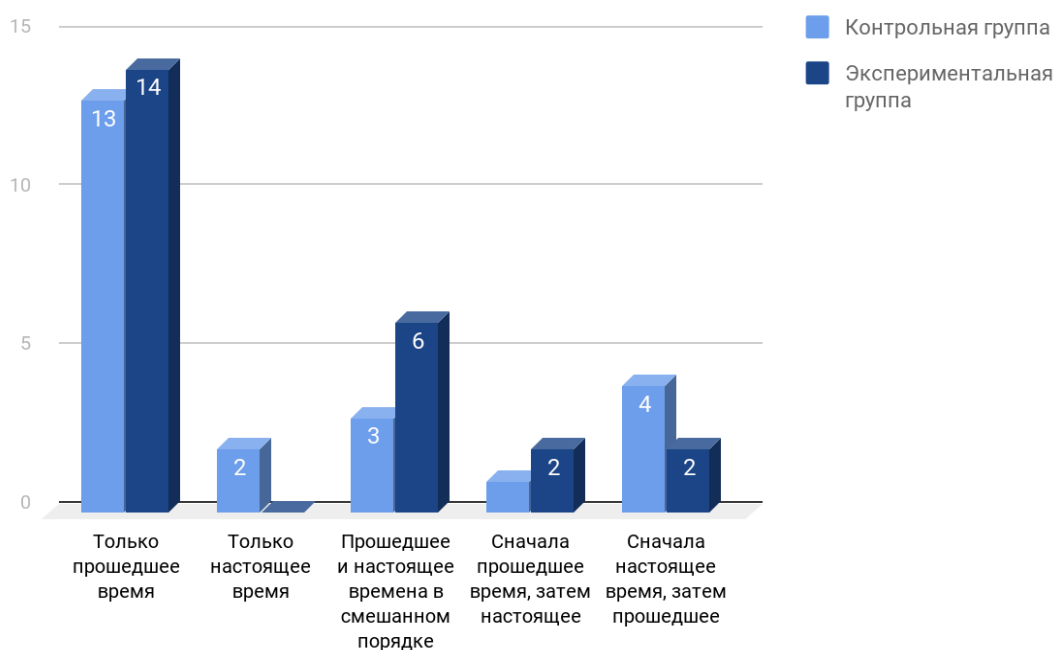

Рисунок 1. Диаграмма Выбор глагольных времен

Таким образом, стратегии использования времен глагола у обеих групп в целом схожи, но тем не менее имеются некоторые особенности, описанные в исследовании.

Приступая к изложению результатов по второму рассматриваемому аспекту – соотношению простых и сложных предложений в пересказах, необходимо отметить, что способность дискурсов к членению на отдельные предложения в устной форме не утрачивается [4]. Это позволило оформить полученные нарративы в виде расшифровок и проанализировать состав простых и сложных предложений у обеих групп.

Необходимо учитывать общий объем всех предложений при сравнении отдельных видов конструкций: так, нарративы экспериментальной группы обладают гораздо большим числом предложений (546), чем контрольная группа (409). При проведении дальнейших вычислений

было выяснено, что такое численное превосходство достигается за счет превалирующего количества простых предложений – 375, тогда как у участников с типичным развитием всего 188. Ситуация с использованием сложных предложений несколько отличается: дети с РАС употребили меньше конструкций сложного типа – 171, а школьники нормального развития – 221 (см. рисунок 2).

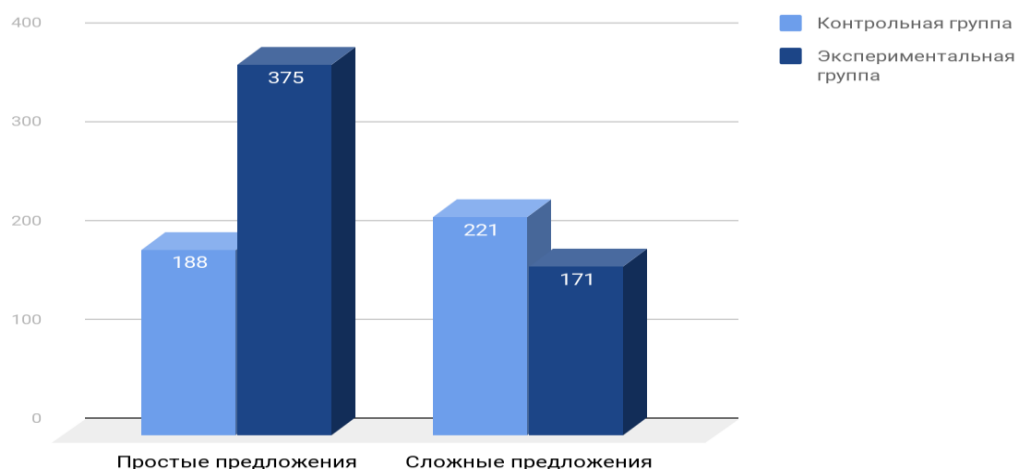

Рисунок 2. Диаграмма соотношения простых и сложных предложений

В рамках данного исследования рассматривались следующие типы сложных предложений: ССП – сложносочиненные предложения, СПП – сложноподчиненные предложения, БСП – бессоюзные предложения, ССК – сложная синтаксическая конструкция, предложения с разными видами связи. В таблице 1 подробно переданы результаты анализа состава сложных предложений обеих групп.

Таблица 1.

Типы сложных предложений

Тип сложного предложения	Группы	Количество предложений
ССП	Контрольная	29
	Экспериментальная	23
СПП	Контрольная	110
	Экспериментальная	72
БСП	Контрольная	23
	Экспериментальная	49
ССК	Контрольная	58
	Экспериментальная	28

Итак, в дискурсах детей с РАС чаще, чем у детей типичного развития встречаются БСП (49 и 23 соответственно), однако остальные типы используются реже. Наибольшую разницу между результатами обеих групп имеет СПП – 110 предложений у контрольной группы и 72 у экспериментальной, далее следует ССК – 58 и 28 соответственно.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что школьники-аутисты в устных нарративах используют большое количество простых предложений, самым распространенным типом сложных предложений стало БСП, остальные виды также употребляются в речи, однако в меньшем, чем у контрольной группы, количестве.

Анализ третьего рассматриваемого аспекта показал, что дети с РАС систематически допускают ошибки на грамматико-синтаксическом уровне, т. е. имеют сложности при сочетании словоформ в устном дискурсе. Так, можно выделить несколько типов грамматических ошибок: в управлении и согласовании по роду, числу, падежу.

16 участников экспериментальной группы допустили подобные ошибки (см. рисунок 3). Школьники контрольной группы также использовали неправильные формы и сочетания слов, однако это встречалось гораздо реже и не имело систематического характера. Рассмотрим каждый тип ошибок и приведем примеры из расшифровок эксперимента.

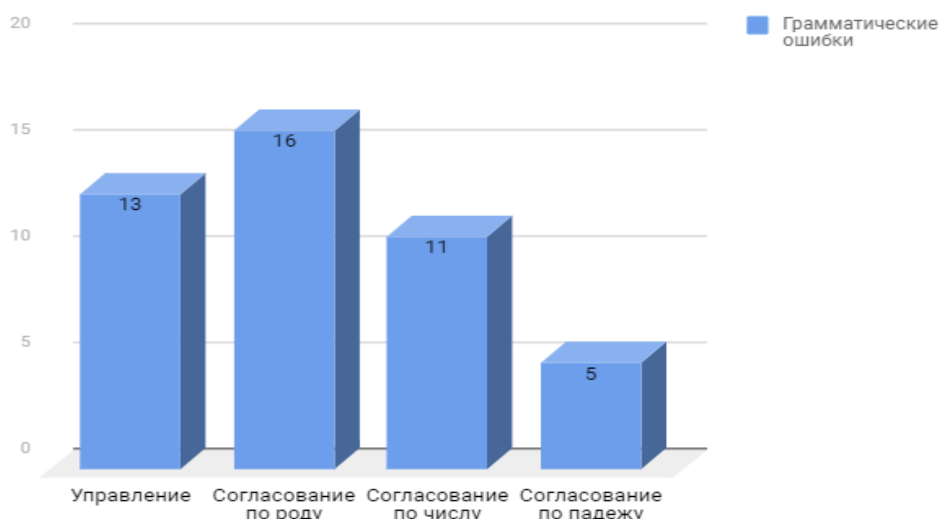

Рисунок 3. Диаграмма распределение ошибок

10 участник: «Это ваша панамка?» Он сказал: «**Моё**».

Наибольшее число детей с РАС (9) сделали 16 ошибок при согласовании по роду как одушевленных референтов, так и неодушевленных:

14 участник: Пока там спокойно он срывал фрукты, значит, ээ **проходила** там ну **мужчина** там со своим скотом.

В данном примере участник с РАС ошибочно использовал форму женского рода сказуемого для подлежащего, выраженного именем существительным в мужском роде.

Этот пример иллюстрирует использование аутистом ошибочной формы притяжательного местоимения в форме среднего рода для неодушевленного существительного женского рода. Интересно, что часть детей с РАС в ходе пересказа искажали пол персонажей, часто путаясь и меняя сведения. Вероятно, что это и повлияло на столь большое число допущенных ошибок в согласовании по роду.

Вторыми по распространенности (13) стали грамматические ошибки в управлении, их сделали 7 школьников с РАС:

2 участник: Они упаковывали в **больших мешках**.

Данный пример демонстрирует ошибочную модель управления глагола, подчиняющего себе форму винительного, а не предложного падежа.

3 участник: Аа одна груша у= у= **упала** аа= па= у дупл=, **у корни** точней.

Участник использует неверную для данного контекста форму существительного в именительном падеже, подчиняющий глагол требует при себе форму родительного падежа.

3 участника допустили в совокупности 5 грамматических ошибок в согласовании по падежу:

1 участник: О, и потом (неразб.) один из **забравших= ий**.

Изначально участник склоняется к верной форме слова в родительном падеже, однако затем выбирает ошибочное причастие в именительном. Данный пример также показывает нарушение грамматической связности в числе: сочетание “один из” требует согласования с формой множественного числа, тогда как школьник останавливает свой выбор на неверной форме единственного числа.

6 участников в 11 случаях неверно согласовали формы слов по числу:

12 участник: Вот, и он положил их в корзину, стало у него их много, **много груши**.

Участник использовал недопустимую для данного контекста форму единственного числа, тогда как наречие “много” подразумевает согласование с существительным в форме множественного числа.

Таким образом, в процессе экспериментальной работы были определены основные грамматико-синтаксические стратегии устных дискурсов школьников с РАС. Анализ выбора глагольных времен, используемых в нарративах аутистов, позволил заметить тенденцию к

описанию событий в прошедшем времени и отказ от употребления исключительно настоящего времени. Гораздо чаще, чем дети контрольной группы, аутисты формируют простые предложения. В типах сложных предложений предпочтительнее оказались БСП и ССК, причем школьники с нормальным развитием использовали БСП реже. Обнаруженные в дискурсах экспериментальной группы грамматические ошибки в согласовании по роду, числу, падежу и в управлении указывают на принципиальные проблемы речепорождения детей с РАС. Использование полученных результатов позволит более эффективно диагностировать заболевание, а также скорректировать проблемы речевой деятельности аутистов.

Список литературы

1. *Башина В.М.* Детский аутизм процессуального генеза: вопросы патогенеза, клиника и дифференциальная диагностика / В. М. Башина, М. Г. Красноперова // Психиатрия и психофармакотерапия: Журнал для психиатров и врачей общей практики. – 2004. – Т. 6, № 1. – С.35–38.
2. *Бергельсон М.Б., Венедиктова Т.Д., Гудков Д.Б., Кибрик А.А.* Основы теории коммуникации. – М.: Юрайт, 2016. – 193 с.
3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психология развития человека. – М.: Смысл; Изд-во Эксмо, 2003. – 1136 с.
4. *Кибрик А.А.* Мультимодальная лингвистика, (ред. Александров Ю. И., Соловьев В. Д.), Когнитивные исследования — IV, ИП РАН, Москва, 2010, с. 134–152.
5. *Леонтьев А.А.* Исследования детской речи // Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – 368 с.
6. *Манелис Н.Г.* Сравнительный нейропсихологический анализ формирования высших психических функций у здоровых детей и у детей с аутистическими расстройствами: Дис... канд. психол. наук. – М., 2000. – 124 с.
7. *Николаева Ю.В.* Иллюстративные жесты в русском дискурсе: Автореф. дис... канд. филолог. наук. – М., 2013. – 24 с.
8. *Никольская О.С.* Ребенок с аутизмом в обычной школе / О. С. Никольская, Т. Ю. Фомина, С. Цыпотан. – М.: Чистые пруды, 2006. – 32 с.
9. *Павлов, А.В.* «Модель психического» в объяснении речемыслительных дисфункций у аутичных детей и ее экспериментальная проверка // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». – 2017. – № 1. – С. 74–78.
10. *Павлов А.В.* Аутичные дети пересказывают фильм: некоторые результаты психолингвистического эксперимента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – Т. 4, № 12 (66). – С. 147–149.
11. *Павлов А.В.* Комплексные нарушения половозрастной идентификации, выявленные в ходе психолингвистического исследования у детей с расстройством аутистического спектра // Научное обозрение. – 2016. – № 8. – С. 71–76.
12. *Романова А.А.* Особенности развития речи детей с аутистическими расстройствами: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2012.
13. *Федорова О.В.* Экспериментальный анализ дискурса. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 512 с.
14. *Baron-Cohen, S.* Theory of Mind in Normal Development and Autism // *Prisme*. – 2001. – (4). – P. 174–183.
15. *Frith U.* Autism: explaining the enigma. – Oxford: Blackwell. – 1993. – 249 p.
16. *Happé, F.* The “fractionable autism triad”: a review of evidence from behavioural, genetic, cognitive and neural research / F. Happé, A. Ronald // *Neuropsychol. Rev.* – 2008. – № 18 (4). – P. 287–304.
17. *Ozonoff S., Miller J.N.* An exploration of right-hemisphere contribution to the pragmatic impairments in autism // *Brain and Language*, 1996. – P. 411–434.
18. *Simon Baron-Cohen, Alan M. Leslie, Uta Frith* Does the autistic child have a “theory of mind”? // *Cognition*. – Volume 21. – Issue 1. – October 1985. – Pages 37–46.

10.02.04

И.В. Сафьянова канд.филол.наук

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка для медицинских и биологических специальностей,
Санкт-Петербург, irina.safyanova@rambler.ru

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ
«МОЛЕКУЛЯРНАЯ ГЕНЕТИКА»)**

В статье рассматривается когнитивно-дискурсивный аспект терминотворчества и семантических изменений, связанных с процессами познания, классификации и концептуализации. Анализируются основные способы формирования терминологических единиц одной из разновидностей специализированного (научного) дискурса.

Ключевые слова: *специализированный дискурс, терминообразование, базовые термины, метафоризация, терминологические сочетания, компрессия.*

Одной из наиболее динамично развивающихся областей естественных наук является молекулярная генетика. Интенсивные разработки новых методов и технологий, углубление представлений о процессах передачи наследственной информации вызывает необходимость фиксации нового знания, языковой репрезентации результатов классификации и концептуализации.

Когнитивно-дискурсивный подход позволяет учитывать не только содержательную структуру термина, но и такие параметры, как ситуация коммуникации (формальная или неформальная), форма (письменная или устная), коммуникативной интенции автора сообщения и т.д. Все эти факторы влияют на выбор способов номинации того или иного объекта или явления данной специальной предметной области.

Задача исследования – проследить пути формирования новых терминологических единиц, вошедших в состав данной англоязычной терминосистемы, и их функционирование в научном дискурсе.

Термин как особый способ репрезентации профессионально-научного или специального знания принимает непосредственное участие в аккумуляции и передаче знания, выступает в качестве фиксатора результатов познавательной деятельности и напрямую связан с когнитивными процессами познания действительности.

Значение выбранной лексической единицы репрезентирует, закрепляет результат познания, фокусируясь на отдельных признаках референта или класса референтов, не всегда существенных. Более того, по мере развития науки полученные новые знания могут вступать в противоречие с предшествующими взглядами, что в свою очередь отражается в дефиниции термина.

Честь введения в научный дискурс новых терминов зачастую принадлежит самим первооткрывателям, поэтому важнейшую роль в выборе признаков, лежащих в основе новой терминологической единицы, играет «человеческий фактор» или «профессиональная языковая личность».

Генетика относительно молодая наука и развитие терминов сохраняет отпечаток развития истории знания. Для репрезентации средствами языка научных понятий в 19-20 веке часто использовались термины, созданные на основе греко-латинских элементов, что отражает тенденцию к интернализации. Многие термины, построенные на основе древнегреческих и латинских элементов, вошли в английский язык из других европейских языков, прежде всего немецкого или французского, часто в результате межсистемного заимствования, т.к. для исследований в области молекулярной генетики необходимо привлекать знания из смежных наук, прежде всего биохимии, клеточной и молекулярной биологии, биоинформатики.

Рассмотрим несколько базовых терминов молекулярной генетики.

Важнейший для современной науки термин *double helix*, появившийся в результате открытия структуры двойной спирали ДНК Ф. Криком и Дж. Уотсоном в 1953 году, восходит к др.-греч. *helix*. Данный гибридный термин широко употребляется не только в рамках научного дискурса.

Несколько ранее, в 1940-х Г. Мюллером, американским генетиком, был введен термин “*telomere*” (от др.-греч. *τέλος* – конец и *μέρος* – часть), для обозначения концевых участков хромосом. Однако лишь в 1970-х была выяснена роль теломерных повторов в механизме защиты хромосом и объяснении причин биологического старения, что позволило уточнить понятие и дефиницию термина.

Термин “*protein*” в английский язык попал из французского в 1844, хотя сам термин был предложен шведским химиком Я. Берцелиусом ещё ранее, а в 1836 голландский химик Г. Мульдер предложил первую модель химического строения белков минимальную структурную единицу которого он назвал «протеином» (от греч. *proteios* – первый, первичный).

Для того чтобы определить молекулярную последовательность, например, нуклеотидов в цепи ДНК, используется *Sanger sequencing* (секвенирование ДНК по Сенгеру), биохимический метод, впервые предложенный в 1977. Согласно словарю Merriam Webster’s Dictionary, лексема “*sequence*” этимологически восходит к фр. *sequence*, которая в свою очередь связана с Late Latin *sequentia* [5]. Данный термин является одним из немногих терминов-эпонимов в данной области.

Немецкий язык являлся языком-источником для многих важных терминов. Так, термин «хромосома» был предложен немецким гистологом Г. Вальдейером в 1888 году и в буквальном переводе означает «окрашенное тело», (др.-греч. *χρωμόσωμα*), поскольку основные красители хорошо связываются с хромосомами. Данный термин, как и многие другие, представляется мотивированным. Очевидно, в основе номинации лежал бросающийся в глаза, но случайный признак. Выбор признака связан с когнитивной выделенностью, и следовательно, кажется наиболее когнитивно и прагматически релевантным. Однако, как отмечает О.К. Ирисханова, выделенность далеко не всегда означает релевантность и значимость [1]. Основные положения хромосомной теории наследственности, опубликованные Т. Морганом в 1915, и последующие исследования в корне изменили представления о свойствах и функциях хромосом, что в свою очередь привело к расширению значения термина.

Важнейший биологический термин “*gene*” (др.-греч. *γένος* – род) –структурная и функциональная единица наследственности живых организмов – пришел из немецкого в 1911 году. Впервые термин был введен в употребление в 1909 году датским ботаником В. Иогансенем. Интересно, что произошло это уже после введения в 1891 г. английским биологом У. Бэтсоном термина «генетика» в значении “study of heredity”, а прилагательное *genetic* в значении “pertaining to origins”, употреблялось еще ранее. С помощью элемента *gene*- образовано множество новых производных терминов и терминологических сочетаний: *genome*, *genotype*, *genomics*, *gene expression*, *gene translation*, *gene editing*, *gene activation*.

Понимание механизмов наследственности стало возможным только с применением методов цитологии, молекулярной биологии и других смежных дисциплин. Заимствованные термины используются в новых контекстах и, по мнению А.В.Суперанской, сразу включаются в соответствующую систему, пройдя лишь некоторую адаптацию.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что терминологическая единица может возникнуть как индивидуально-авторский термин (окказионализм) для наименования какого-либо нового «фрагмента денотативного пространства» [3], а затем, пройдя этап апробации научным сообществом, превратиться в конвенциональный знак и войти в терминосистему. При этом может значительно измениться семантическое содержание термина в соответствии с уточнением понятия, которое он репрезентирует.

Новая терминологическая единица в составе терминосистемы быстро теряет «прагматическую отмеченность» (термин Е.С. Кубряковой), экспрессивность и оценочность, присущие слову–этимону. Так, термин “*chaperon*” (молекулярный шаперон) впервые был использован в 1978 году в работе эмбриолога Рона Ласкея при описании ядерного белка нуклеоплазмина, способного предотвращать агрегирование белков-гистонов с ДНК при образовании нуклеосом. Лексема “*chaperon(e)*” зафиксирована словарями еще в 1720 в значении “a woman accompanying a younger, unmarried lady in public”, “covering the sociallyvulnerable one” (from French *chaperon* “protector”), однако слово не вполне ассимилировалось, о чем свидетельствуют разночтения в написании. Следует отметить, что по мере углубления знания о данном объекте, значение термина расширилось и в настоящее время обозначает класс белков, главная функция которых состоит в восстановлении правильной структуры белков, а также образовании и диссоциации белковых комплексов.

Ярким примером словотворчества может служить термин “*prion*”, который Стенли Прузинер, будущий Нобелевский лауреат, предложил в 1982 году для обозначения инфекционного агента (*proteinaceous infectious particle*). Возникший в результате аббревиации и перестановки гласных термин быстро вошел в состав основных терминов данной специальной области знания, однако до сих пор обладает «прагматической новизной».

Интересным проявлением лингвокреативной деятельности является и термин “*Western blotting*”. Наименование данной методике, которая широко используется в молекулярной биологии и генетике, было дано У. Бурнеттом и является результатом игры слов, т.к. разработанная ранее Э.Саузерном методика определения ДНК носила название “*Southern blotting*”. Аналогичный метод определения РНК получила название, соответственно, *Northern blotting*, а детекция посттрансляционных модификаций белков называется *Eastern blotting*, таким образом задействованы все стороны света.

Метафора является универсальным средством пополнения языкового инвентаря, в том числе и в сфере специализированной профессиональной коммуникации. С позиций когнитивной лингвистики метафора рассматривается не только как явление языка, но как фундаментальное свойство познания и концептуализации действительности. Представление результатов научного исследования с помощью метафоры облегчает понимание благодаря ассоциации с привычными понятиями.

Многочисленные примеры такого рода терминологических единиц в генетике связаны с актуализацией базовой метафоры «ДНК/геном как код/информация». Сложные методы анализа ДНК и расшифровки генома вербализуются с помощью целого кластера метафор: *transcription, translation, gene expression, sequencing, repeat(s), read(s), gene silencing/silencer, open reading frame* (ORF), *genetic code, decoding, messenger RNA, gene editing* и т.д.

Другой продуктивной когнитивной метафорой является представление о передаче наследственной информации как о «механизме/процессе». С актуализацией этой метафорической модели связаны такие термины, как *DNA damage/repair, enhancer, activator, molecular switcher, genetic tool*.

Для ряда номинативных единиц областью-донором является концепт «организм»: *progenitor, inhibitor, repressor, precursor, dead Cas9, dead enzyme, winged helix, zinc-finger DNA complex*.

Метафорические термины в области молекулярной генетики позволяют вербализовать представления об объектах и процессах не данных для наблюдений невооруженным глазом и отражают стремление соединить и синтезировать в метафоре новое и уже известное. В основе употребление уже готового языкового наименования чаще всего лежат “обычные” стереотипные, реже индивидуальные и оригинальные ассоциации,

Метафорическая номинация возникает, по выражению В.Н. Телия, на основе допущения о сходстве по функции, форме категориально разнородных сущностей, как например: *pocket protein, lampbrush chromosome, hammerhead protein, leucine zipper, zinc-finger DNA complex (zinc-coordinating finger-like structure), salt-and-pepper chromatin, hairpin protein*. При этом

одна языковая единица переосмысливается при опоре на смысловое содержание другой, номинативно доминирующей в данном процессе [4]. Образная мотивированность сохраняется во внутренней форме терминологической единицы.

Терминосистема молекулярной генетики находится в постоянном развитии, что связано с интенсивным развитием самой научной области. Новые терминологические единицы позволяют закрепить посредством языкового знака ментальные (когнитивные) сущности, которые являются релевантными для процесса коммуникации в данной специальной области.

Формирование единиц происходит на основе всех тех ресурсов, которые заданы системой языка, однако объем статьи не позволил рассмотреть морфологические и синтаксические способы терминообразования.

Характерной особенностью исследуемой терминосистемы является активное терминотворчество и интенсивные изменения в семантике номинативных единиц. К числу наиболее частотных источников пополнения относятся заимствования из других областей и терминообразование на основе метафоризации. Выполняя функцию идентификации, метафора быстро утрачивает экспрессивно-образную окраску и начинает функционировать как нейтральное терминологическое наименование.

Список литературы

1. *Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 13.
2. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 25, 437.
3. *Манерко Л.А.* Полюсы номенотворческой деятельности человека (на материале явлений неологии и терминологии) // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация: Сборник статей к юбилею Н.А. Кобриной. СПб: Тригон, 2005. С.111-125.
4. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М: «Наука», 1986. С. 181.
5. Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 18.01.2018).
6. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 18.01.2018).

**АННОТАЦИИ
ABSTRACTS****Р.Р. Хуснулина
АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА:
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ**

Ключевые слова: перевод, проза, подражание, отклик, произведения, судьба, принимать, значение.

Переводческие войны по произведениям Ф.М. Достоевского шли на протяжении восьми десятилетий XX века. Именно переводы Констанс Гарнетт позволили англичанам познакомиться с прозой Ф.М. Достоевского. Хотя первоначальная оценка переводов К. Гарнетт в Англии, как и произведений Достоевского, была во многом схожей. В данной научной работе показано, как встречены они были там неоднозначно. Со временем англичане приняли переводы К. Гарнетт и стали читать их. И, благодаря ее прекрасным переводам, лучшие английские писатели XX века по достоинству оценили значение творений Ф.М. Достоевского и стали подражать ему, развивая его идеи.

**М.А. Дубова, Н.А. Ларина
ДВОЕМИРИЕ КАК ПРИНЦИП МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В
НОВЕЛЛИСТИКЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА**

Ключевые слова: Валерий Брюсов, новеллы, дихотомия, антитеза, миромоделирование.

Статья посвящена двоемирию как основному принципу конструирования художественного мира новелл Валерия Брюсова. На примере рассказа «Через пятнадцать лет» рассматривается дихотомия души и тела, противопоставление которых в данной новелле оказывается взаимоисключающим.

**Н.В. Захарова
ИНОСТРАННАЯ ТЕМА В РОМАНЕ ЦЗЭН ПУ
«ЦВЕТЫ В МОРЕ ЗЛА»**

Ключевые слова: иностранная тема, проза, литература Китая, переводы беллетристики, дневники дипломатов.

В романе китайского литератора Цзэн Пу (1871-1934) «Цветы в море зла» в отличие от прозаических произведений предшествующих эпох изображение жизни иностранных государств постепенно приобретает реальные черты, что объясняется проявлением интереса к иностранной теме в литературных произведениях, появившемся у читателей Поднебесной в конце XIX-начале XX вв.

**Л.Г. Кихней, Н.А. Ларина
МИР ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА: СПЕЦИФИКА
МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В РАССКАЗАХ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
О ДЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ВАЛЯ»)**

Ключевые слова: миромоделирующая семантика, детство, рассказ, миромоделирование, Леонид Андреев.

Статья посвящена образу мира ребенка в рассказе Леонида Андреева «Валя». Показано, как именно в концепции автора выглядит мир детей 5-6 лет, каковы их представления о времени и пространстве и мире взрослых.

**Н.А. Ларина
«ПУШКИНСКИЙ СЛЕД» В РАССКАЗАХ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА:
ОБРАЗ МЕТЕЛИ КАК МИРОМОДЕЛИРУЮЩАЯ КОНСТАНТА**

Ключевые слова: Брюсов, Пушкин, рассказ, миромоделирование.

Статья посвящена реминисценциям из Пушкина в рассказах Валерия Брюсова. В рассказе «Защита» присутствует отсылка к «Метели» А.С. Пушкина, а мотивы, намеченные в «Защите», получают развитие в рассказе «Сестры». Общим пунктом всех трех текстов является обращение к метели как к движущей пружине сюжета.

**А.М. Нигматуллина, А.Ю. Гиниятуллина
МОТИВ СВАТОВСТВА В ТРАДИЦИИ ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОСОВ
ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭПОСА ОГУЗОВ
«КНИГА МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»)**

Ключевые слова: героический эпос, огузы, мотив сватовства, фольклор.

В статье рассматривается героический эпос, как достижение устного поэтического творчества тюркского народа. Он представляет собой драгоценное наследие традиционной культуры

R.R. Khusnulina

**ENGLISH XX-TH CENTURY LITERATURE: TRANSLATION
WARS**

Keywords: translation, prose, to follow, reaction, the writings, the fate, adopt, significance.

Translation wars on F.M. Dostoevsky's writings went on the eight decades of the XX-th century. Due to Constance Garnett's translations the Englishmen could reveal the prose of F.M. Dostoevsky. Though the first appreciation of C. Garnett's translations in England, exactly like Dostoevsky's writings, had much in common. In this scientific works it is shown how multiple-valued they were met in England. Eventually English people adopted the translations of C. Garnett and started to read them and owing to these splendid translations the best English writers of the XX-th century appreciated the significance of F.M. Dostoevsky's writings at his true value and began to follow his ideas.

M.A. Dubova, N.A. Larina

**DOUBLE WORLD AS A WORLD MODELLING PRINCIPLE
IN THE SHORT STORIES BY VALERIY BRYUSOV**

Keywords: Valeriy Bryusov, short stories, dichotomy, antithesis, world modelling.

The article is devoted to the double worlds as a basic principle of constructing of the fiction world of the short stories by Valeriy Bryusov. The example of the novel "After fifteen years" is analyzed in the principles of soul and body dichotomy the antithesis of which in this short story excludes one another.

N.V. Zakharova

**FOREIGN THEME IN ZENG PU'S NOVEL
"FLOWERS IN THE SEA OF EVIL"**

Keywords: competitiveness, agrarian sector, agriculture.

In the novel of the Chinese writer Zeng Pu (1871-1934) "Flowers in the Sea of Evil", unlike the prose works of previous eras, the image of the life of foreign states gradually acquires real features. This is due to the manifestation of interest in a foreign theme in literary works, which readers of China showed in the late XIX-early XX centuries.

L.G. Kikhney, N.A. Larina

**THE JUVENAL SEMANTIC AS A WORLD MODELLING
TOOL IN THE SMALL PROSE BY LEONID ANDREEV**

Keywords: semantics, childhood, story, world modeling, Leonid Andreev.

The article is devoted to the problem of the categories of the juvenility in the Andreev's stories "Valya" and "Tsvetok pod nogoiu" ("The flower under the foot"). The author's conception of the world of babies of 5-6 years is shown, their imagination of the adult world, time and space is also concerned.

N.A. Larina

**"PUSHKIN TRACK" IN THE STORIES OF VALERY
BRYUSOV: THE IMAGE OF BLIZZARD AS A WORLD-
CONDUCTING CONSTANTA**

Keywords: Bryusov, Pushkin, stories, world modelling.

The article is devoted to the Pushkin's reminiscences in the stories by Valeriy Bryusov. The story "Zaschita" ("Defense") dates back to the Pushkin's "Metel" ("Blizzard"), and the motives which are initiated in the "Defense" goes to the story "Sestry" ("Sisters"). The common point of the three texts is the usage of the blizzard as an acting point of plot.

A.M. Nigmatullina A.Yu. Giniyatullina

**THE MOTIVE OF MATCHMAKING IN THE TRADITION OF
THE HEROIC EPOSES OF TURKIC SPEAKING PEOPLES (ON
THE EXAMPLE OF THE EPOS OF THE OGHUZES "THE
BOOK OF MY GRANDFATHER CORKUT")**

Keywords: heroic epic, Oghuzes, motivation of matchmaking, folklore.

The article deals with the heroic epic as the achievement of the oral poetry writing of the Turkic people. It is a precious legacy of

народа, до сих пор несущее в себе большое воспитательное, познавательное и эстетическое значение. В общей системе творчества народов мира тюркский героический эпос занимает свое достойное место, что позволяет рассматривать его в контексте мировой культуры.

the traditional culture of the people, still bearing a great educational, cognitive and aesthetic significance. In the general system of creativity of the peoples of the world, the Turkic heroic epic takes its worthy place, which allows us to consider it in the context of world culture.

А.В. Агеева, Ю.В. Смахтина
**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЛЕКСИЧЕСКИХ
 ЕДИНИЦ РУССКОЙ ЭТИМОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ
 ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

A.V. Ageeva, Yu.V. Smakhtina
**FUNCTIONAL AND SEMANTIC STATUS OF LEXICAL
 UNITS OF RUSSIAN ETIMOLOGY IN MODERN FRENCH
 LANGUAGE**

Ключевые слова: языковые контакты, французский язык, русский язык, заимствование, адаптация, семантический объем.
 В работе представлены результаты изучения лексического новообразования русского происхождения в глоттоническом дискурсе французского языка. Настоящее исследование описывает основные тенденции функциональной и семантической адаптации существительных русской этимологии во французском языке в соответствии с общими направлениями языкового развития.

Keywords: language contacts, French, Russian, borrowing, adaptation, semantic volume.
 This paper presents the results of studying lexical neologisms of Russian origin in the gluttonic discourse of the French language. The study describes the main trends in the functional and semantic adaptation of nouns of Russian etymology in French in accordance with the general directions of language development.

А.Х. Ашрапова, Г.Ж. Фахрутдинова, И.Т. Хайруллин
**К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ
 ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ АУДИРОВАНИЯ)**
Ключевые слова: аудирование, лингвистические трудности, обучение иностранному языку.

A.Kh. Ashrapova, G.Zh. Fakhrutdinova, I.T. Khairullin
**THE PROBLEM OF PERCEPTION OF THE TEXT WHEN
 LEARNING A FOREIGN LANGUAGE
 (FOR EXAMPLE, AUDITING)**

В статье раскрываются вопросы восприятия текста при обучении иностранному языку на примере аудирования. Авторы указывают, что речевое общение не обходится без аудирования, и его роль в современных условиях значительно возрастает. В статье дается анализ технологии аудирования как сложной рецептивной мыслительно-мнемической деятельности, связанной с восприятием, пониманием и активной переработкой информации, содержащейся в устном речевом сообщении, рассматриваются существующие лингвистические трудности.

Keywords: listening, linguistic difficulties, learning a foreign language.
 The article reveals the questions the readability of the text when learning a foreign language for example listening comprehension. The authors point out that speech communication without listening, and its role in modern conditions is greatly increased. The article analyses the listening technology as complex receptive/ myslitelno-memory activities related to perception, understanding and active processing of the information contained in the oral speech communication, examines existing linguistic difficulties.

В.В. Батицкая, В.В. Гурин
**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО КОНЦЕПТА
 ПОПЫТКА И АНГЛИЙСКОГО КОНЦЕПТА TRY**

V.V. Batitskaya, V.V. Gurin
**COMPARATIVE DESCRIPTION OF RUSSIAN CONCEPT
 ATTEMPT AND ENGLISH CONCEPT TRY**

Ключевые слова: концепт, содержание концепта, лексико-семантическое поле, попытка.
 Статья посвящена исследованию национальных концептов ПОПЫТКА и TRY на материале английского и русского языков. За основу был взят лексикографический анализ лексико-семантических полей «Попытка» и «Тру», объективирующих исследуемые концепты в двух языках. Проведенный анализ позволил выявить основные и второстепенные признаки данных концептов, определить области их совпадения/ несовпадения и описать их национальное своеобразие.

Keywords: concept, content of the concept, lexico-semantic field, attempt (try).
 The article is devoted to the study of national concepts ATTEMPT and TRY on the material of English and Russian languages. It is based on the lexicographic analysis of the lexico-semantic fields «Attempt» and «Try», objectifying the studied concepts in two languages. The analysis allows to identify the major and secondary features of the concepts under investigation, reveal their overlapping regions as well as describe their national identity.

В.А. Гапутина
**ГИБРИДНОСТЬ МЕДИАДИСКУРСА МОДЫ
 (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ)**
Ключевые слова: гляцевые журналы, медиадискурс моды, дискурс моды, гибридность, гибридный дискурс.

V.A. Gaputina
**HYBRIDITY OF THE FASHION MEDIA DISCOURSE
 (ON THE MATERIAL OF GLOSSY MAGAZINES)**
Keywords: glossy magazines, fashion media discourse, discourse of fashion, hybridity, hybrid discourse

Статья посвящена исследованию медиадискурса моды, актуализируемого в пространстве гляцевых журналов, в аспекте явления гибридности. Гибридность интерпретируется как скрещивание элементов разных дискурсов и представлена двумя разновидностями: обязательной и прагматически обусловленной. Основное внимание уделяется гибридности дискурсов, элементы которых присутствуют в медиадискурсе моды в качестве обязательных.

The article is devoted to the study of the fashion media discourse, actualized in the space of glossy magazines, in the aspect of the phenomenon of hybridity. Hybridity is interpreted as a crossing of elements of different discourses and is represented by two varieties: mandatory and pragmatically conditioned. The focus is on the hybrid nature of discourses, the elements of which are present in the fashion media discourse as mandatory.

А.Ю. Гиниятуллина, М.Р. Гараева
**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЙ В АНГЛИЙСКОМ И
 ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ**
Ключевые слова: неличные формы глагола; причастие; сопоставительный анализ; синтаксис; грамматика.

A.Ju. Giniyatullina, M.R. Garaeva
**SYNTACTICAL FUNCTIONS OF PARTICIPLES IN THE
 ENGLISH AND TATAR LANGUAGES**
Keywords and phrases: participles; English; Tatar; translation; verbals; contrastive linguistics.

В статье обосновывается положение о том, что сопоставление и сравнение языков позволяет определить общие и специфические черты. Статья посвящена сопоставительному анализу татарских и английских причастий. В статье был проведен анализ особенностей данной формы глагола английского и татарского языков в синтаксическом аспекте. Несмотря на типологические различия переводных эквивалентов, выявлены определенные сходства их структурной организации, а также были отмечены случаи совпадения у них функционально-синтаксической коннотации.

The article is devoted to the comparative analysis of the Tatar and English participles. The paper substantiates the position that the correlation and comparison of the languages allows to define common and specific features. The paper presents analysis of features of participles in the English and Tatar languages in syntactic aspect. The authors ascertain that despite typological distinctions of translation equivalents, certain similarities of their structural organization and component structure are revealed.

Т.И. Колабинова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРОСТРАНСТВО» В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА МАРИО БЕНЕДЕТТИ «EL OTRO YO» («ДРУГОЙ Я»)

*Ключевые слова: испанистика, языковая картина мира, пространство, категория.**В работе рассматривается индивидуально-авторская репрезентация лингвокультурной доминанты «пространство» в рассказе уругвайского писателя Марио Бенедетти «El Otro Yo» («Другой я»). Автор проводит лингвистический анализ исследуемой категории. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что наиболее яркой характеристикой категории «пространство» в рассматриваемом рассказе является дихотомия свое/чужое пространство.*

T.I. Kolabinova

LINGUISTIC MEANS DESCRIBING THE CATEGORY OF "SPACE" IN SPANISH (BASED ON THE SHORT STORY "EL OTRO YO" BY MARIO BENEDETTI)

*Keywords: Spanish studies, linguistic view of the world, space, category.**The paper describes an individual author's representation of the dominant linguistic and cultural category of 'space' in the short story "El Otro Yo" (Alter ego) by the Uruguayan writer Mario Benedetti. The author presents a linguistic analysis of the category under investigation. According to the results of the analysis the author draws a conclusion that the most specific characteristic of the category of 'space' in the short story under analysis is the dichotomy of one's own / alien space.*

А.А. Мамедов, А.В. Оленикова

КОНСТРУКЦИИ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ СРАВНЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ С. ЕСЕНИНА И В. МАЯКОВСКОГО)

*Ключевые слова: С. Есенин, В. Маяковский, творительный падеж, сравнение, метаморфоза, метафора.**В работе представлены результаты исследования и сопоставления конструкций с творительным сравнения и творительным метаморфозы в космогонических поэмах С. Есенина и предреволюционных поэмах В. Маяковского «Война и мир» и «Человек».*

A.A. Mamedov, A.V. Olenikova

INSTRUMENTAL CASE COMPARISONS AS A SOURCE FOR ANALYSIS OF THE POETICAL WORLDVIEW'S FEATURES (ON THE BASIS OF S. YESENIN'S AND V. MAYAKOVSKY'S WORKS)

*Keywords: S. Yesenin, V. Mayakovsky, instrumental case, comparison, metamorphosis, metaphor.**This paper deals with the contrastive analysis of instrumental case comparisons and instrumental case metamorphosis structures in S. Yesenin's cosmogonic poems and V. Mayakovsky's pre-revolutionary poems "The War and the World" and "The Man".*

О.Ш. Назаров

ВАРИАНТНОСТЬ МОДЕЛИ ЖАНРОВ ПОСТАНОВЛЕНИЯ И ПРИГОВОРА СУДА: ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

*Ключевые слова: жанр, постановление, приговор, вводная часть, вариантность.**В статье дается обзор модели жанров вводной части постановления и приговора, исследуется и описывается вариантность их клишированной части.*

O.SH. Nazarov

THE VARIANCE MODEL OF THE GENRES OF THE RESOLUTION AND SENTENCE OF THE COURT: THE INTRODUCTORY PART

Keywords: variance, introductory part, genre, resolution, sentence. The article gives an overview of the model genres of the introductory part of the resolution and sentence, researches and describes the variance of the cliched part.

А.В. Павлов

ГРАММАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ОШИБКИ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*Ключевые слова: аутизм, расстройство аутистического спектра, устный дискурс, грамматико-синтаксические стратегии, грамматические ошибки.**В статье представлены результаты психолингвистического исследования, раскрывающие основные грамматико-синтаксические тенденции устных спонтанных дискурсов вербальных детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) в сравнении с детьми типичного развития в возрасте 10–12 лет. Показаны отличия данного речевого уровня на примере употребления времен глагола, соотношения простых и сложных предложений, разных типов сложных предложений, а также подробно разобраны грамматические ошибки, допущенные участниками экспериментальной группы. Делается вывод, что по перечисленным аспектам нарративы детей с аутизмом имеют отличия от нарративов детей типичного развития, что позволяет применять полученные результаты при диагностике и коррекции заболевания.*

A.V. Pavlov

GRAMMAR-SYNTACTIC STRATEGIES AND ERRORS IN THE ORAL DISCOURSE OF CHILDREN WITH AUTISM (ON THE BASIS OF PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH)

*Keywords: autism, autistic spectrum spacing, oral discourse, grammar-syntactic strategies, grammatical errors.**The article presents the results of a psycholinguistic study that reveals the main grammatical and syntactic tendencies of oral spontaneous discourses of verbal children with autism spectrum disorders (ASD) in comparison with children of typical development at the age of 10-12 years. Distinctions of this speech level are shown on the example of the usage of verb tenses, the ratio of simple and complex sentences, different types of complex sentences, as well as detailed grammar mistakes made by the participants of the experimental group. It is concluded that, in the above aspects, the narratives of children with autism differ from the narratives of children of typical development, which makes it possible to apply the results obtained in the diagnosis and correction of the disease.*

И.В. Сафьянова

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «МОЛЕКУЛЯРНАЯ ГЕНЕТИКА»)

*Ключевые слова: специализированный дискурс, терминология, базовые термины, метафоризация, терминологические сочетания, компрессия.**В статье рассматривается когнитивно-дискурсивный аспект терминотворчества и семантических изменений, связанных с процессами познания, классификации и концептуализации. Анализируются основные способы формирования терминологических единиц одной из разновидностей специализированного (научного) дискурса.*

I.V. Safyanova

COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECTS OF TERM FORMATION IN THE FIELD OF MOLECULAR BIOLOGY

*Keywords: scientific discourse, terminology, word formation, metaphor, compression.**The article is aimed at revealing linguistic and cognitive aspects of creation of new terminology in the field of genetics. The author considers the most productive models of term formation, focusing on the way semantic changes reflect new developments in science.*

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№2 2018

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 07.03.2018 Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

3,6 усл.печ.л. 4,0 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 1952.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»